PG 3129
.S25V3
1862

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 351

Book .V3 S3

YUDIN COLLECTION

СБОРНИКЪ ПѢСЕНЪ

САМАРСКАГО КРАЯ,

составленный

В. Варенцовымъ.

Изданіе

Н. А. Серно-Соловьевича.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. И. БАКСТА.

1862.

Valentsov, V
Sbornik pesen

СБОРНИКЪ ПѢСЕНЪ

САМАРСКАГО КРАЯ,

составленный
Valentsov
В. Варенцовымъ.

Изданіе

Н. А. Серно-Соловьевича.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.
1862.

PG 3129
.S25 V3
1862

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 19 іюня 1862 года.

104837
'62

Собраніе русскихъ пѣсенъ, изданное П. И. Якушкинымъ (О. З. 1860 г. IV—XII), и вслѣдъ за тѣмъ изданіе пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, предпринятое Обществомъ любителей россійской словесности, даютъ право надѣяться, что эти предпріятія могутъ, хотя до нѣкоторой степени, пополнить пробѣлъ въ изученіи нашей народной литературы и въ ученой разработкѣ ея вопросовъ. Тѣмъ не менѣе это еще далеко не послѣднее слово, и помимо всѣхъ, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, изданій много есть еще въ народѣ поэтическихъ мотивовъ, которые настойчиво требуютъ нашего вниманія, тѣмъ болѣе, что эти мотивы мало по малу умираютъ вмѣстѣ съ стариками, которые знали ихъ

и дорожили ими. Желая принести посильную дань къ уясненію этихъ вопросовъ, я предлагаю вниманію публики составленный мною сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. Пѣсни эти, большею частію, записаны учениками гимназіи и Самарскаго уѣзднаго училища, которые, живя въ кругу простаго народа, сами пѣли ихъ; онѣ сличены мной съ другими, печатными и рукописными, текстами и приведены въ извѣстный порядокъ. Въ доставленіи мнѣ текстовъ я много обязанъ г. учителю Самарскаго уѣзднаго училища, Карлину. Я считаю необходимымъ приложить къ изданію небольшое введеніе и примѣчанія, на сколько мнѣ позволятъ составить ихъ время и умѣнье.

Самарскій край населенъ пришельцами изъ разныхъ губерній. Это заселеніе, начавшись съ XVI столѣтія, а можетъ быть и ранѣе, продолжается и до настоящаго времени. Кромѣ инородцевъ, именно татаръ, башкиръ, чувашъ и мордвы, а также — въ незначительномъ количествѣ — цыганъ, вотяковъ и калмыковъ; кромѣ нѣмцевъ-колонистовъ, живущихъ въ николаев-

скомъ и ново-узенскомъ уѣздахъ, вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ мензелинскомъ уѣздѣ и отчасти въ бугульминскомъ; есть и малороссы по солевозным трактамъ, илецкому и элтонскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю: есть переселенцы изъ всѣхъ окружныхъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Куряне, Туляки, Рязанцы и много другихъ.

Трудно опредѣлить общій характеръ такого населенія; можно только сказать, что это были, большею частію, люди, которые покинули родную землю и могилы отцевъ, или спасая свои религіозныя мнѣнія отъ преслѣдованій, или давимые тяжестью помѣщичьей власти, или преслѣдуемые грозящимъ закономъ за буйную удаль и казачество; наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи причиною колонизаціи были неурожаи и бѣдность крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и слухи о богатствѣ и привольѣ заволжскаго края. И теперь сохраняется въ этой сторонѣ память о „сиротской дорогѣ“, по которой ходили искать

себѣ счастья эти бездомные скитальцы..... Тутъ, среди этого раздолья степей, пѣлись, тутъ, можетъ быть, и сложились вольныя, какъ полевой вѣтеръ, пѣсни про буйную удаль, про темную темницу и тоску по волѣ.

Чѣмъ дальше уходитъ въ глубину минувшаго начало ихъ поселенія въ самарскомъ краѣ, тѣмъ меньше встрѣтится у нихъ рѣзкихъ особенностей, которыя напоминаютъ объ ихъ метрополіи; чѣмъ новѣе поселеніе, тѣмъ оно больше сохраняетъ своихъ обычаевъ, пѣсенъ и обрядовъ, занесенныхъ изъ другаго края. Точно тоже и съ языкомъ. Но при этомъ надобно замѣтить, что тѣ колонисты, которые живутъ, со всѣхъ сторонъ окруженные инородцами, гораздо дольше удерживаютъ свои особенныя черты: такъ, поселенцы изъ Тульской и Рязанской губерній въ самарскомъ и бузулукскомъ уѣздахъ, живя среди чувашей и мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорнѣе въ этомъ отношеніи малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ ново-узенскомъ уѣздѣ.

Это разнообразіе говоровъ, обычаевъ и

нравовъ, повѣрій и обрядовъ, конечно, должно было отразиться и въ пѣсняхъ, которыя поются въ самарскомъ краѣ. Тутъ вы услышите:

«Ой, горе, горе — та не оране поле!...»

или:

«Била жинка мужика
Пишла позывати....»

Въ другомъ мѣстѣ раздается пѣсня, въ которой поется про пана и его коханочку; въ третьемъ, про Неву, про Дунай, про Кіевъ и т. д. Такимъ образомъ, напоминая вамъ тотъ или другой край, откуда пришли переселенцы, пѣсни эти, своимъ поэтическимъ содержаніемъ, обнимаютъ всю Россію и выражаютъ народную жизнь во всемъ ея разнообразіи.

Я раздѣлилъ пѣсни на семейныя, солдатскія и разбойничьи; особый отдѣлъ составили у меня пѣсни лакейскія, или фабричныя, и шуточныя вмѣстѣ съ сатирическими. Кромѣ того, въ отдѣлѣ семейныхъ я ввелъ дѣленіе пѣсенъ на дѣтскія, на пѣсни про любовь и семейную жизнь, хороводныя, игральныя и обрядовыя, и наконецъ сва-

дебныя пѣсни. Можетъ быть такое подраздѣленіе покажется слишкомъ дробнымъ; но я полагаю, что при этомъ условіи гораздо удобнѣе обозрѣвать каждый отдѣлъ пѣсенъ и выводить изъ него результаты о той или другой сторонѣ народной жизни.

Въ началѣ каждаго отдѣла поставлены самыя старыя и, стало быть, лучшія пѣсни; кромѣ того, я старался сгруппировать ихъ такимъ образомъ, чтобы нѣсколько пѣсенъ, помѣщенныхъ одна за другой, представляли читателю отдѣльную картину народной жизни, развивающуюся въ нѣсколькихъ моментахъ. Думаю, что это удалось мнѣ въ нѣсколькихъ солдатскихъ и особенно въ разбойничьихъ пѣсняхъ.

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Дѣтскія пѣсни.

Наше знакомство съ народной поэзіей начинается съ самаго дѣтства. Хорошо тому, кого въ колыбели убаюкивало ласковое пѣніе матери, полное глубокой любви къ своему беззащитному ребенку, или, по крайней мѣрѣ, пѣсни няни, которой нѣжность иногда замѣняетъ любовь и заботы матери. Если мы не въ состояніи помнить эти пѣсни надъ своей колыбелью, то, можетъ быть, мы помнимъ ихъ надъ нашими братьями и сестрами, которые были моложе насъ.

У насъ не много колыбельныхъ пѣсенъ, не много напѣвовъ, которые поются надъ дѣтьми, по-

тому что тутъ важно бываетъ не содержаніе пѣсни, не слова ея, которыхъ ребенокъ еще не можетъ понимать,— важны одни только звуки, нѣжные, ласкающіе слухъ. Ребенокъ любитъ, чтобы его баюкали; онъ самъ баюкаетъ себя, стараясь напомнить о томъ матери, и нѣтъ средства, которое было бы столько удачно, которое могло бы такъ скоро и легко успокоить и усыпить дитя, какъ это тихое, мѣрное пѣніе.

Есть у насъ нѣсколько дѣтскихъ или колыбельныхъ пѣсенъ съ намёками на старое время, пѣсенъ, которыя отзываются памятью о смертной эпохѣ татаръ; но онѣ мало по малу теряютъ характеръ колыбельныхъ по мѣрѣ того, какъ самый смыслъ ихъ становится для народа темнымъ историческимъ преданіемъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, записанная въ Самарскомъ краѣ:

1.

За горами-то
За высокими,
За лѣсами-то
За дремучими,
Тамъ горятъ огни
Негасимые;
Злы татары тамъ
Свой полонъ дѣлятъ.
Еще кто къ кому
Во полонъ пошелъ?
Доставалася
Теща зятюшкѣ.
Онъ привелъ ее
Къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ,

„Жена, нянюшка!
„Ты заставь ее
„Дѣлать три дѣла:
„Дѣло первое —
„Шелковъ кужель прясть,
„А друго дѣло —
„Гусенятъ пасти,
„Дѣло третіе —
„Что дитю качать.“ —
Она качатъ дитю,
Прибаюкиватъ:
„Баюшки-баю,
„Баю дитятко!
„Ты по батюшкѣ —
„Злой татàрченокъ,
„А по матушкѣ
„Милъ внученочекъ:
„Твоя матушка
„Моя дочь была,
„Какъ семи-то лѣтъ
„Во полонъ взята;
„И у ней-то есть
„Двѣ примѣточки:

„На бѣлой грудѣ
„У ней родинка,
„На правой рукѣ
„Нѣтъ мизинчика.“ —
Услыхали то
Мамки, нянюшки;
Побѣжали онѣ
Къ молодой паньѣ:
„Еще что это
„За старушенька,
„Что качатъ дитю,
„Прибаюкиватъ:
— „Ты баю, баю,
„Дитя милое,
„Ты по батюшкѣ
„Злой татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Милъ внученочекъ!“
Побѣжала панья
На фабричный дворъ,
Она бросилась
Къ своей матери.
— „Государыня,

Моя матушка,
Что же прежде ты
Не сказалася?
Если хочешъ ты, —
У меня живи,
А не хочешь жить—
Не могу держать.
Ты бери казны
Сколько надобно,
И поди домой,
На святую Русь;
А какъ мнѣ младой
Ужь такъ Богъ велѣлъ:
Что связали меня
Дѣти малые;
Не видать-то мнѣ
Милой родины,
Оставаться вѣкъ
Во неволюшкѣ!“ —

У Костомарова, стр. 18.
Въ сборникѣ г. Якушкина, стр. 79—82.

Одна изъ немногихъ пѣсенъ, оставшихся отъ та-

тарскаго погрома, очень распространена, особенно въ формѣ колыбельной.

Варіанты къ ней:

2.

По горамъ, горамъ, по высокіимъ,
Тутъ огни горятъ негасимые;
Злы Татаровы тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася теща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее къ молодой женѣ....
„Ты заставь ее три дѣла дѣлать:
Дитя качать, тонкій кужель прясть,
А и третье дѣло — циплятъ пасти....
— Ты, баю—баю, мое дитятко!

3.

На горѣ, горѣ, да на крутой горѣ,
Огни горятъ да все свѣтлые,
На тѣхъ огняхъ да свѣтлыихъ
Котлы кипятъ да кипучіе.
Вокругъ огней да все свѣтлыихъ
Сидятъ тутъ злые Татарове,
Сидятъ, дѣлятъ да все животы

Твоего отца родимаго.
Встань, пробудись, мое дитятко,
Соимай со стѣны саблю вострую,
Ты коли, руби злыхъ Татаровей!...

4.

Спи, усни, мое дитятко,
Поколѣва гроза пройдетъ,
Гроза пройдетъ, бѣда минетъ,
Бѣда минетъ наносная!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка — полоняпачка,
Твой батюшка — полоняночекъ.
Набѣгали тутъ злы Татарове,
Сожигали они домы, теремы.
Спи, усни, мое дитятко!...
Злы Татарове набѣгали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили;
Разлучили тебя, дитятко,
Со родимой со матушкой;
Отогнали прочь, дитятко,

Твоего отца родимаго.
Ты расти, мое дитятко,
Въ силѣ-крѣпости, въ младости!
У тебя ли въ широкомъ дворѣ
Стоитъ теремъ одинешенекъ,
Что безъ батюшки, безъ матушки,
Безъ твоей молодой жены.
Ты сѣдлай воронаго коня,
Ты скачи въ Золоту Орду,
Вызови ты родна батюшку
Со родимою матушкой,
Вызови ты молоду жену
Во свой теремъ изукрашенный!

За этимъ я помѣщаю нѣсколько пѣсенъ, которыя болѣе или менѣе знакомы каждому изъ насъ: пѣсни 5, 6 и 7—собственно колыбельныя; 8-я и 9-я соединяются съ извѣстными жестами, или съ игрой, которою стараются развлечь и посмѣшить ребенка. Во всѣхъ въ нихъ вводится міръ, самый близкій, самый доступный дѣтскимъ понятіямъ, слова, которыя онъ постоянно слышитъ кругомъ себя; этотъ маленькій міръ одушевляется въ глазахъ его, и жи-

ветъ одною съ ними жизнію, точно также какъ сказочный міръ, о которомъ онъ скоро услышитъ отъ своей няни. И тамъ ему также хорошо будетъ спаться подъ звуки однообразныхъ припѣвовъ и повтореній....

5.

Баю-баюшки-баю,
Прилѣтѣли галочки
На попову пашенку,
Поклевали пашенку.
Шелъ мужикъ бѣдный,
Нашелъ котелъ мѣдный,
Сдѣлалъ ложку большую,
Сварилъ кашу крутую,
Почерпнулъ со дна —
Только крупочка одна.

Бузул. уѣз., с. Зуевки, перес. изъ Ворон. губ.

6.

Баю-баюшки-баю,
Баю милую дитю.

У кота была — кота
Колыбелка золота,
А у моего Лелиньки
Лучше того,
Новоточеная,
Позолоченая,
Сверху—мѣдью
Околоченая.
Приди, котикъ, ночевать,
Мово Лелиньку качать,
Ужъ какъ я тебѣ — коту
За работу заплачу!—
Кувшинъ молока
Да конецъ пирога.
Котикъ, ѣшь — не кроши
Да и больше не проси.

Поютъ пересел. изъ Ниж.-Новг.

7.

Баю-баюшки-баю,
Колотушекъ надаю,
Колотушекъ съ пять
Лучше будешь спать!

8.

Ладушки, ладушки!
Гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка слатѐнька,
Бражка хмѣлѐнька,
Бабушка добрѐнька.
Попили, поѣли,
Долой полетѣли,
Сѣли на головку
На маковку....

9.

Сорока, сорока
Кашу варила,
На порогъ скакала,
Гостей созывала.
Гости на дворъ —
Каша на столъ
Одному дала,

Другому дала
Третьему дала,
Четвертому дала,
А пятому недостало.
Ты, шишъ, малъ,
Крупу не дралъ,
Воду не носилъ,
Дрова не кололъ,
Печку не топилъ,
Кашу не варилъ.
Ш-ш-ш.... полетѣли,
На голову сѣли,
Тамъ и кашку съѣли.

Послѣ пѣсенъ, которыми бывало баюкали и забавляли насъ въ свѣтлые годы нашего дѣтства, намъ припоминаются другія пѣсни, пѣсни, которыя мы пѣли уже сами, играя между собой въ дѣтскія игры: въ нихъ все еще тотъ же фантастическій міръ, тѣже пестрые образы, которые можетъ понимать только дѣтская фантазія. Можетъ быть въ этихъ образахъ хранятся остатки какихъ нибудь доисторическихъ преданій и миѳовъ; но

намъ трудно возстановить смыслъ ихъ по этимъ немногимъ отрывкамъ и можетъ быть это—одинъ только наборъ созвучій, подведенныхъ подъ какой нибудь дѣтскій напѣвъ и лишенныхъ всякаго дальнѣйшаго значенія, точно также какъ самыя понятія дѣтей еще лишены опредѣленности и связи. Такія пѣсни напоминаютъ намъ дѣтскія игры, которыя соединены съ приговорами, и эти приговоры точно также представляютъ наборъ непонятныхъ звуковъ, иногда лишенныхъ всякаго смысла; таковы напр. „Первый данъ, другой данъ, на колодѣ барабанъ, пятьсотъ судья, катеринъ бадья, мѣсяцъ заяцъ вырвалъ травку, положилъ на лавку кто возьметъ, тотъ вонъ пойдетъ.„—"Первиризи навиризи, кому царь царевый соколъ воробей піяицы на яицы шохманъ лохманъ дикинь выкинь." Кто разгадаетъ, какой смыслъ въ этихъ звукахъ и есть ли въ нихъ какой нибудь смыслъ?—Сюдаже я рѣшаюсь вписать и тѣ пѣсни, которыя въ старину имѣли болѣе серьезное значеніе, но теперь, перейдя въ область шуточныхъ и сатирическихъ, сдѣлались почти исключительно забавой дѣтей.

10.

Ахъ ты, радуга-дуга,
Поведи меня въ луга.
Тамъ лукъ-чеснокъ,
Киселя горшокъ.
Ложка гнется,
Сердце бьется,
Душа радуется.

Поется переселенцами изъ Ниж.-Новг.

11.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду въ Арестань
Богу помолиться,
Царю поклониться.
Я у Бога сирота,
Отпирала ворота
Сучкомъ, крючкомъ,
Закорючечкомъ.

По другому варіанту:

...Отпирай ворота

Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

12.

Туру-туру пастушекъ,
Калиновый батожекъ!
Куда стадо гонишь?
Отъ-моря до-моря,
До Кіева города,
Тамъ моя родина;
На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова та мнѣ теща,
Породила сына.
Какъ ему имя?
Царя Константина.
Что царь дѣлаетъ?
Туру ногу пишетъ,
На дѣвицу дышетъ.
Дѣвица, — дѣвица,
Сходи по водицу!
Я боюсь грозицы.

Гроза на болотѣ,
Волкъ на работѣ,
Колоду ворочатъ....

Бузул. уѣз., село Грачевка.

13.

Варіантъ:

Туру-туру пастушекъ,
Калиновый батажекъ!
Гдѣ ты зиму зимовалъ?
У царя въ Москвѣ.
Что царь дѣлаетъ?
Туру ногу пишетъ,
На дѣвицу дышетъ.
Дѣвица-дѣвица,
Сходи по водицу,
Напой молодицу.
Я волка боюся.
Волкъ на работѣ,
Сова на болотѣ,
Платье колотитъ.
Поповы ребята
Горохъ молотили,

Ударили въ доску,
Поѣхали въ Москву.
Москва-та женилась,
Казань провалилась.
Ужъ вы, школьнички,
Вы, разбойнички,
Вы разбили Москву.

Поютъ перес. изъ Нижняго.

14.

Варакушка,
Гдѣ ты была?
За воротами.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
Гдѣ вода?
Быки вышили.
Гдѣ быки?
За горы ушли.
Гдѣ горы?
Черви выточили.
Гдѣ черви?
Гуси выклевали.

Гдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли.
Гдѣ тростникъ?
Дѣвки выломали.
Гдѣ дѣвки?
Замужъ ушли.
Гдѣ мужья?
Они померли.
Гдѣ гробà?
Они погнили.
Гдѣ гнилушки?
У тебя въ дворушкѣ.

Бузул. уѣз., с. Грачевка.

15.

Овечушка ялова
На рѣчушки плавала,
Увидала дьявола,
Побѣжала къ дубу,
Закусила губу.
Ужъ ты, дядюшка Матвѣй,
Наплелъ меленькихъ лаптей.
У нашего господина

*

Разыгралася скотина,
И коровы и быки
Разинули кадыки;
Овцы въ танцы,
Утки въ дудки,
Мухи-плотнички,
Тараканы въ барабаны,
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Козелъ въ алленыхъ*) портахъ,
Въ новыхъ валенкахъ.
Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ руку отрубилъ,
Комаръ воду возилъ,
Въ тинѣ ноги завязилъ,
Блоха банюшку топила,
Вошка парилася,
Да запарилася,
Съ полка сваливалася,
Мала гнида подскочила,
За рученьку потащила
И въ гробикъ положила.

Бузул. уѣз., село Грачевка.

*) Такъ выговариваютъ «льняной», ср. съ сл. «аржаной».

16.

А ду-ду, ду-ду, ду-ду!
Сидитъ воронъ на дубу;
Онъ играетъ во трубу.
Труба точеная,
Позолоченая.
У царева кабака
Была яма глубока;
Тамъ мышки дрались,
Въ одну ямку сорвались.
Утки въ дудки,
Сверчки-въ дьячки,
Тараканы въ барабаны,
Коза въ синемъ сарафанѣ,
Козелъ въ сапогахъ.
Комаръ пищитъ,
Въ баню дровъ тащитъ;
Комариха завопила,
Пошла — баню затопила.
Бабушка Ульяна,
Сошей мнѣ рубашку —

Косой вороточикъ
Ѣхать въ городочикъ.

17.

Ахъ, бей чеботы,
Не жалѣй чеботы!
Не сама я ихъ купила,
Не сама деньги платила.

18.

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ;
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

19.

Сова-ль моя совая,
Сова чернобровая,—
Московская барыня,
Зарѣцкая княгиня!
Узнали про совую,

Узнали про вдовую
Два луня бѣлые,
Два друга милые.
Стали за сову
Сватовъ посылать:
Ворона сваха,
Сорока сходаха,
Воронъ сватомъ,
Соколъ зятемъ.
Стали совѣ говорить,
Сова замужъ норовитъ.
„Поди, сова, замужъ.
„За бѣлаго луня,
„За бѣлаго луня,
„За милаго друга!“
— Что же мнѣ нейтити,
Съ чего не ходити?
Или я кривая
Или я косая,
Или косолапа,
Или разнолапа?
Я сова хорошая,
Я сова румяная,

Сова чернобровая.
Три праздничка сряду,
Сыграемъ мы свадьбу. —
Свадьбу сыграли,
Полетѣли въ поле —
Поле полевати,
Горе горевати,
Зиму зимовати.
Вотъ на встрѣчу совѣ,
На встрѣчу вдовой
Летѣли три стада:
Перво стадо купчики,
Другое голубчики,
Третье—рябчики;
Рябчики рябѣньки,
Сами то маленьки,
Крылушки вострѣньки.
Они сову били,
Они колотили,
Въ клочье изорвали,
Усю разметали.
Сова встоpопилася,
Назадъ воротилася;

Прилетѣла ко двору,
Сова сѣла на полу,
Повѣсила голову
На правую сторону.
—Рябчикъ, ты, рябчикъ,
Московскій подрядчикъ,
Что ты насъ не судишь,
Что ты не разсудишь?—
„Сова ты, совища,
Больша головища,
Широкая рожа,
Глядѣть не пригожа!
Какъ мнѣ васъ судити,
Какъ мнѣ разсудити,
Чего я не знаю
Чего я не вѣдаю?
Вотъ и наши слуги
За рѣкою были,
Сѣно косили;
Сѣно покосили,
Въ стоги пометали,
Домой прилетали.
Идѣ у васъ косы,

Да все у насъ носы.
Идѣ у васъ вилы,
То-то у насъ крылы;
Идѣ у васъ грабли,
То-то у насъ лапы.
Мужикъ на мельницу ѣдетъ,
Пашеничку везетъ,
Онъ мололъ на муку,
Обратилъ на крупу.
Поставили пирожки,
Они пышнички,
Пашенишнички;
Три недѣли кисли,
Квасили, квасили, не выквасили;
На четвертую недѣлю
Я вонъ вывалила;
Ужъ я по печи катала,
По подлавичью валяла,
На печѣ въ углу сажала,
На палатяхъ пекла,
Кочергой гребла;
Навалила на салазки,
Повезла продавать;

Поставила коробокъ,
Повезла въ городокъ.
Какъ навстрѣчу мнѣ, младой,
Идетъ мальчикъ молодой.
„Да что, тетушка, везешь,
Что, тетушка, продаешь?“
Я не камушекъ везу,
Не кирпичъ продаю,
Везу ситнички,
Полу-ситнички.
За Поповымъ за дворомъ
Лежитъ пирогъ съ творогомъ;
Кабы былъ топорокъ,
Пересѣкъ бы поперекъ;
Кабы было съ кѣмъ,
По поламъ бы съѣлъ.

Бузул. уѣз., село Зуевка. Переселенцы изъ Воронеж. губ.

Эта пѣсня вѣроятно была когда-то сатирой на нравы.

20.

Варіантъ:

Сова-ль моя, совынька,
Сова-ль моя, вдовынька!

Гдѣ ты живала?
Гдѣ ты бывала?
Въ темнымъ лѣсищи,
Въ горѣлымъ дуплищи.
Нехто совыньку не зналъ,
Нехто ее не спозналъ.
Вспознали то люди —
Комары да мухи,
Стали залетати,
Стали ее сватать,
За бѣлаго луня, (ястреба, *прим. пъвца*)
За милаго друга.
Я-ль сова не го́жа,
Я-ли не хоро́ша!
Я сова хоро́ша,
Сова толсторо́жа,
Сова большогла́за.
За кого жъ мнѣ выйти?
За бѣлаго луня,
За милаго друга.

21.

Журавь долгоногій
На мельницу ѣздилъ;
Диковинку видѣлъ:
Козелъ мелетъ,
Коза засыпаетъ,
Маленьки козлятки
Въ амбарахъ гуляютъ,
Муку насыпаютъ,
Сами согребаютъ;
А барашки—круты рожки —
По улицѣ ходятъ,
Въ дудочки играютъ;
А вороны — стары жоны —
Пошли танцовати,
А сороки бѣлобоки
Пошли примѣчати:
Ногами топъ-топъ,
Глазами хлопъ-хлопъ.

Буз. уѣз., с. Грачевка.

22.

Куда дорожинька,
Куда широкая?
Въ Москву дорожинька,
Въ Москву широкая.
Въ Москвѣ дива много.
Дивѣй всего было —
Ребятъ продавали,
На лыки мѣняли:
За мóлодца лыкъ пучню,
За красавца двѣ пучни,
За дѣвицу сто рублей,
За красную тысячу,
За русу косу смѣты нѣтъ.
На дѣвушекъ смерти нѣтъ,
На робятъ погибели,
Красныхъ дѣвушекъ покинули.
Пахать уѣхали.

Запис. тамъ-же.

23.

Сваха, ты, сваха,
Сходатая сваха!
Отдай свою дочерь
За моего сына.
Мой сыночикъ,
Что бѣлый сырочикъ;
А твоя дочка,
Что бѣлая кочка.
Двое-трое,
Всѣ четверо,
Лубьями крыты,
Гвоздями биты.
Коза не подскоче,
Сѣно не подвали.
Коза подскочила,
Сѣно подвалила.
Стрѣлся козелъ подъ горою.
„Нужъ тя, дѣвка, поцѣлую.“
— Ну те къ чорту, не бѣсися!
Дай гривну золотую,
Тогда тебя поцѣлую.

Тамъ-же.

24.

Варвара-кума
Въ амбарѣ была,
Пріошмаривала (?),
Приговаривала:
Еще кумъ кумѣ радъ,
Завелъ ее въ виноградъ:
Бери, кума, ягоды,
Которыя надобны;
Которыя сладки—
Клади ко мнѣ въ шапку;
Которыя горьки—
Женѣ моей Орькѣ.

Поется переселенцами изъ Сим. губ.

25.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Идетъ дядюшка Егоръ.
Его дѣвушки любили,
Кашей масляной кормили.
Каша масляная,

Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Носъ трясется,
Душа радуется.

II.

Пѣсни про любовь и семейную жизнь.

Теперь выйдите изъ воспоминаній дѣтства, и перенеситесь мыслію въ другую пору нашей жизни: припомните то время, когда новыя стремленія, новыя вопросы и надежды обхватили васъ, и вы, оставя за собой родной очагъ, начали новую жизнь въ другой, болѣе сложной обстановкѣ. Можетъ быть и тутъ было много поэзіи, но не той, съ которой вы познакомились въ дѣтствѣ. И вотъ черезъ много лѣтъ вы опять увидѣли знакомыя, родныя мѣста; опять повѣяло на васъ воспоминаніями дѣтства, и вамъ стало такъ хорошо, какъ будто и воздухъ, и небо, и все, что ни есть кругомъ, все опять тоже, что было тогда, тому назадъ двад-

цать или болѣе лѣтъ. И въ этомъ свѣтломъ настроеніи вдругъ послышится вамъ пѣсня, которую вы слышали въ то время, народная пѣсня, полная тоски и любви, и ласкающіе звуки ея польются, польются вамъ въ сердце, воскрешая забытые годы. Вы оглянетесь кругомъ себя, и то что прежде казалось вамъ такимъ тихимъ и свѣтлымъ, приметъ въ глазахъ вашихъ иной смыслъ: эти бѣдныя полуразвалившіяся избы, это окно, заткнутое какой-то тряпкой, и скворечникъ, на которомъ сидитъ кошка, карауля добычу, и баба съ ведрами на плечахъ и съ тупымъ, запуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ,—все освѣтится въ глазахъ вашихъ другимъ свѣтомъ, и вамъ будетъ больно на душѣ, какъ будто вы ждали чего-то совсѣмъ иного и горько обманулись.... А тоскливые звуки пѣсни будутъ носиться кругомъ васъ и надрывать ваше сердце! Вслушайтесь въ эти звуки, вглядитесь въ этотъ міръ, котораго внутренняя жизнь такъ мало знакома вамъ, въ эти невеселыя явленія, и спросите себя, гдѣ же причины ихъ? Отъ чего такой невеселой рисуется въ этихъ пѣсняхъ жизнь семейная: отношенія жены къ мужу, молодой невѣстки къ свекру или къ свекрови? Самая любовь большею частію является своей трагической стороной. Если

*

есть пѣсни, въ которыхъ какъ будто выражается веселье, то часто тоскливый напѣвъ ихъ совершенно противорѣчитъ веселому содержанію; или наоборотъ какой-нибудь живой, вызывающій на пляску напѣвъ соединенъ совсѣмъ съ невеселымъ содержаніемъ, и эта противоположность еще больше усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе. Есть и такія пѣсни, которыя звучатъ желаніемъ махнуть на все рукой и забыться въ буйномъ разгулѣ. Только обрядовыя и хороводныя пѣсни, какъ память старины и вмѣстѣ съ ней лучшей, болѣе свѣтлой поры въ жизни народа, носятъ не столько печальный характеръ.

Между пѣснями Самарскаго края есть такія, которыя, судя по ихъ содержанію, относятся къ далекой древности, и чѣмъ больше пѣсня сохраняетъ признаковъ старины, тѣмъ она поэтичнѣе.

Чѣмъ дальше развивается историческая жизнь народа, тѣмъ слабѣе становится въ массѣ поэтическое творчество, какъ будто вся сила и глубина поэтическаго чувства, все богатство и разнообразіе поэтическихъ образовъ переходитъ къ отдѣльнымъ поэтамъ-художникамъ, которые служатъ представителями цѣлаго народа. Фантазія народная теперь не создаетъ уже миѳическихъ образовъ,

а только повторяетъ старыя преданія, варіируя ихъ; если же порою и встрѣтятся намъ такіе новые образы, какъ напр. у людей Божіихъ или въ другихъ новыхъ сектахъ, то формы ихъ большею частію лишены всякаго поэтическаго значенія. Такимъ же образомъ народъ не создаетъ и новыхъ поэтическихъ пріемовъ, а повторяетъ старые, или прибѣгаетъ къ неудачнымъ подражаніямъ новымъ формамъ, которыя созданы не народной поэзіей. Даже старыя пѣсни, которыя до сихъ поръ уцѣлѣли въ памяти народа, и тѣ мало по малу становятся бѣднѣе поэтическими формами: въ этомъ отношеніи очень любопытно взять какую-нибудь пѣсню и прослѣдить какъ она пѣлась въ началѣ XVIII ст. или въ концѣ его и какъ поется теперь, конечно если только она сохранилась какимъ-нибудь образомъ въ рукописи или въ печатномъ изданіи. Въ то же время одна и таже пѣсня въ разныхъ краяхъ. Россіи поется неодинаково: въ мѣстахъ глухихъ и одинокихъ сильнѣе сохраняется типъ пѣсни, тогда какъ въ мѣстностяхъ болѣе оживленныхъ, среди новыхъ вліяній, пѣсня, еще сохраняя старое содержаніе, теряетъ поэтическія формы. Она выпускаетъ подробности, смѣшиваетъ нѣсколько мотивовъ въ одинъ, или наконецъ представляетъ какой-нибудь

отрывокъ старинной пѣсни безъ начала и конца. Вотъ на какомъ основаніи мы собираемъ варіанты одной и той же пѣсни, чтобы по нимъ можно было возстановить старинный типъ и вмѣстѣ имѣть понятіе о томъ, въ какой мѣстности и до какой степени сохраняется поэтическій характеръ и любовь къ пѣснямъ въ нашемъ народѣ.

1.

По улицѣ по широ́кой,
По муравѣ по зеленой,
Тутъ шла дѣвка-семилѣтка;
За дѣвкою сынъ купецкій:
„Постой, дѣвка-семилѣтка!
Загадаю три загадки,
Чтобы ты дѣвка-семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Да что ростетъ безъ коренья?
Да что цвѣтетъ да безъ цвѣта?
Да что шумитъ да безъ вѣтра?“
—А я, дѣвка-семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Ростетъ камень безъ коренья,

Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту,
Шумитъ вода безъ буйнаго вѣтру. —

Поютъ персселенцы изъ Вороніж. губ. Буз. уѣзда въ с. Зуевкѣ.

Ср. малор. сказку про дѣвку-семилѣтку, о которой говоритъ Н. И. Костоморовъ въ примѣчаніи къ Муромской легендѣ (Пам. стр. р. лит. ч. 1.), также пѣсни подобнаго содержанія въ сборникѣ Метлинскаго стр. 362—64. Тамъ семь загадокъ; тоже и въ русской пѣснѣ, напеч. Ѳ. И. Буслаевымъ (О. З. 1851. LXXVII. стр. 32—33), и въ варіантѣ ея (въ О. З. 1841 г., Май VI. 58). Въ пѣснѣ Лужицкой вотъ какія эти загадки съ отвѣтами на нихъ:

Какъ зимой-то зеленѣетъ ель молодая,
Какъ и лѣтомъ да безъ цвѣту папоротникъ-трава.
Какъ дороже серебра—мой вѣнокъ изъ руты;
Легче перья, легче пуху—наши, другъ, свиданья,
Тяжелѣе будетъ камня наше разставанье.

(Сборникъ Гаупта и Смолера, ч. 1. № 150).

2.

Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала.
Изъ подъ ели донъ, донъ, донъ....
Друга поджидала.
Ѣхалъ тутъ молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Въ господскомъ приборѣ,
Изъ подъ ели донъ....
Въ господскомъ приборѣ.
Сказалъ: „бѣлинька дѣвица.
Бѣла—круглолица!
Изъ подъ ели донъ....
Бѣла—круглолица.
Дѣвица спѣсива,
Не скажи спасибо!
Изъ подъ ели донъ....

Не скажи спасибо!
Дѣвица, дѣвица,
Бѣла—круглолица!
Напой ты мнѣ ко́ня
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился.
Изъ подъ ели донъ....
Коверъ не смочился!“
— Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Смости мнѣ кроватку
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя.
Изъ подъ ели донъ....
На камушкѣ стоя! —
„Дѣвица, дѣвица.
Сошей мнѣ рубашку
Изъ алова цвѣту,
Котораго нѣту.
Изъ подъ ели донъ....
Котораго нѣту!“

—Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій—молодой,
Сошей мнѣ башмачки
Изъ бѣлаго снѣгу,
Изъ бѣлаго снѣгу,
Котораго нѣту.
Изъ подъ ели донъ....
Котораго нѣту!—

Обѣ эти пѣсни, судя по содержанію и самому складу ихъ, очень старыя.

3.

По рощицѣ Машинька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла;
Со той тоски, со досады рощу зажигала;
Гори, гори, рощица, гори, зеленàя!
Всѣ пеньица, кореньица, всѣ вонъ выгарайте!
Всѣ пташечки-кинарейки, всѣ вонъ вылетайте!
Одинъ-то, одинъ младъ соловушекъ въ рощѣ оставался.
Прилетала къ солоушку горькая кокушка,

Молодаго солоушка журила-бранил:а
„Ужъ ты глупый, неразумный, младой соловейко!
Ты умѣешь, соловейко, только пѣсни пѣти;
Ты не умѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вити.
Ужъ ты свей-ко гнѣздо при долинѣ на кустѣ ракитѣ!
Что никто тоё гнѣздышко не разовьетъ,
Малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ.“

Одна изъ самыхъ поэтическихъ пѣсенъ.

4.

Не бѣла заря въ окошко взошла,
Красна дѣвица по горницѣ прошла.
Милъ поѣхалъ—не сказалъ душа „прощай!“
Только миленькій словами наказалъ:
„Ты не плачь, не плачь, красавица моя!
„Не рони слезы по бѣлому лицу!“
Не достанется смѣяться подлецу,
Доставалось удалому молодцу.
Милъ по бережку похаживаетъ,
Онъ тугой лучекъ натягиваетъ;

Кленову стрѣлу направливаетъ,
Во слѣдокъ стрѣлѣ наказываетъ:
„Ты лети, лети, кленовая стрѣла,
Выше лѣсу, выше темнинькаго,
Выше садику зелениньκаго!
Ты убей, убей, кленовая стрѣла,
Что сиза орла на Волгѣ на рѣкѣ,*)
Сѣру утицу во теплыимъ гнѣздѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.“

По другому варіанту окончаніе такое:

„Ты убей, убей, кленовая стрѣла, (калинова, вар.)
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему:
Красна дѣвушка—забавушка твоя,
Сизъ голубчикъ ли—то скорый твой посолъ,
Сѣра утица—то кушанье твое (?).“

Пѣсня, судя по содержанію и складу ея, очень

*) На полетѣ яснаго сокола,
На походѣ удалаго молодца.... Вар. г. Григорьева.

старая. Она встрѣтилась мнѣ и въ рукописномъ сборникѣ XVIII ст. (см. мою статью объ этомъ въ Библ. Запискахъ 1859 г.). Тамъ также теремъ, лукъ и стрѣла; но начало очень искажено, а предпослѣдняя строка непонятна. Вотъ этотъ текстъ XVIII ст.

5.

Молодчикъ, молодчикъ молодой,
Поживемъ, душа, во вѣрности со мной!
Ахъ, я вѣрный, любезный съ тобой,
Неразлучная любовь наша съ тобой.
Хочешь, лапушка, иного полюбить. —
Я по истинной по правдѣ побожусь:
Едного тебя молодчика люблю,
И не мало въ томъ здоровьица гублю,
Мнѣ здоровьице на умъ-разумъ неидетъ,
Милъ-сердечный другъ въ умѣ моемъ живетъ.
„Онъ по горинкѣ похаживаетъ,
„Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
„Калину стрѣлу направливаетъ,
„Онъ стрѣлѣ приговариваетъ:

„Полети, моя каленая стрѣла,
„Выше лѣсу по поднебесью!
„Ты убей, убей, каленая стрѣла,
„Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
„Сизаго голубя на каменной стѣнѣ,
„Красну дѣвицу въ высокомъ терему.
„Красна дѣвушка—забавушка моя,
„Сизый голубь—запотоха (?) моя,
„Сѣрая утица—невѣста моя".

Варіантъ для этой замѣчательной пѣсни, одной изъ самыхъ поэтическихъ по современному тексту, не смотря на его искаженія, особенно въ концѣ,—встрѣчается въ ст. г. Григорьева: Р. н. пѣсни, О. З. 1860 г. № IV, стр. 476. Окончаніе тамъ:

Сѣра утица—ѣства моя,
Красна дѣвица—невѣста моя,
Сизый голубь—забавушка моя,
Добрый молодецъ—досадушка моя,

Тоже у Якушкина, стр. 151.

6.

На песку, на камушку,
На крутомъ на бережку,
Селезень косицы вьетъ,
Утушка полощется.
Дѣвушка хорошится,
Бѣлится, румянится.
Бояре дивуются,
Господа завидуютъ.
Незавидуйте, бояре,
Недивуйтесь, господа,
Моему хорошеству;
Я своимъ хорошествомъ
Батюшку состарила,
Безъ ума поставила,
Безъ ума — безъ разума,
Безъ великой памяти,
Тихими походами,
Низкими поклонами,
Рѣзвымъ поговорами.

7.

Шла Машинька лѣсикомъ,
Красавица темнымъ,
Растемнымъ лѣсикомъ.
Почудилось дѣвушкѣ,
Что во лѣсикѣ шумитъ;
Какъ шумитъ ли въ немъ, гремитъ
Березонька бѣлая,
Бѣлая, кудрявая,
Развеселая — стояла
Во сыромъ бору-долу,
Какъ на эту на березку
Слеталися пташечки,
Развольныя пташечки,
Двѣ горькихъ кукушечки;
Кукуютъ — горюютъ
По милóмъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ
Въ тепломъ гнѣздышкѣ,
Что въ сыромъ бору-долу
Ранымъ рано разцвѣло.
Порошенька выпала,

Меня мати родила,
На ножки поставила,
Въ чужи люди отдала:
Каково тебѣ, сынокъ,
Въ чужихъ людяхъ жить?

Зап. въ Самарѣ.

8.

Полно, полно намъ, ребята,
Чужо пиво пити!
Не-пора ли намъ, ребята,
Свово наварити!
Мы бы рады наварили,
Да солоду нѣту;
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмѣль на тычинѣ;
Тычинушка гнется, гнется,
Хмѣлинушка вьется;
Тычинушка обломилась,
Хмѣлекъ опустился;
Обломился, опустился
На мать-сыру землю.
Не видали-ль, не слыхали-ль

Про мою голубку?
Моя-моя голубушка
Очень знакомиста:
Черезъ три пера рябéнька,
Головка сизéнька.
Полетѣла голубушка
Во чистое поле;
Опускалась голубушка
На синее море;
Садилася голубушка
На бѣлъ горючъ камень;
Умывалась голубушка
Ключевой водою;
Утиралась голубушка
Алыми цвѣтами.
Все цвѣты ли, цвѣты алы
Одинъ поалѣе;
Все дружки ли, дружки милы,
Одинъ помилѣе.

9.

Какъ во полѣ, полѣ, въ широкомъ раздольѣ,
Стоялъ тутъ садочикъ — не малъ, не величекъ;

*

Во томъ во садочкѣ стояли три древа,
Стояли три древа — зелены, кудрявы:
Первое-то древо — зелена береза,
Другое-то древо — сухая крушина,
А третье-то древо — горькая осина.
На бѣлой березѣ соловейко свищетъ,
На сухой крушинѣ кукушка кукуетъ,
На горькой осинѣ горюшко горюетъ.
Бѣлый день проходитъ, ночка наступаетъ,
По меня младеньку милый присылаетъ,
Милый присылаетъ и самъ пріѣзжаетъ:
— „Дома ли милáя, радость дорогая?
„Выйди на крылечко, промолви словечко!“ —
Она вышла — выходила, рѣчи говорила:
„Миленькій дружочикъ, не ходи садочкомъ,
„Не ходи садочкомъ, не клади слѣдочку;
„Отъ этого слѣду житья-то мнѣ нѣту.
„Милый мой дружочикъ, пиши ко мнѣ письма,
„Пиши ко мнѣ письма во вторыя числа!“
— „Радъ бы написати, да не съ кѣмъ послати.“ —
„Хоть есть съ кѣмъ послати, некому читати:
„Сама я не умѣю, людямъ не повѣрю.“

10.

Канарейка-пташечка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи,
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходючи,
Милаго искаючи.
Она стала шить-кроить
Тонкій-браный положекъ.
„А не спать мнѣ молодцу
„Въ шитомъ-браномъ пологу,
„А мнѣ спать ли молодцу
„Въ легкой лодкѣ на носу,
„Цѣловать мнѣ — миловать
„Мѣдну пушечку.“
— „Ужъ ты, мальчикъ молодой,
Сталъ смѣяться надо мной.
У меня ли у младой
Есть и маменька,

Есть два братца родные,
Три двоюродныхъ.
Я велю тебя поймать,
Середи пути нагнать,
Руки-ноги обломать.
Изъ твоихъ изъ рукъ — изъ ногъ
Себѣ стульчикъ закажу;
Изъ твово ли бѣла тѣла
Пироговъ напеку;
Изъ твоей я алой крови
Пива пьяна наварю;
Изъ твоихъ изъ глазъ-очей
Пару рюмочекъ солью.
Всѣхъ подружекъ созову,
А твою меньшу-сноху
Противъ себя посажу.
А твоя меньша-сноха
Зла-досадлива была,
Дверью хлопнула, ушла."

Зап. въ Самарѣ.

Для этой замѣчательной пѣсни есть прекрасный варіантъ въ сборникѣ г. Костомарова (стр. 24. № 9); вотъ окончаніе его:

Посажаю я подруженекъ на лавочку,
Сама сяду молода на кроватушку:
Загадаю вамъ, подруженьки, загадочку,
А загадочку, подружки, неотгадливую:
Я на миломъ сижу, я на милаго гляжу,
Стоитъ милый предо мной бѣлой сальной свѣчей,
Милый въ свѣчкѣ горитъ, милый въ печкѣ сидитъ,
Я изъ мила наливаю, въ миломъ я подношу,
Дружкомъ подчиваю....

Относя эту пѣсню къ глубокой древности, г. Костомаровъ сравниваетъ ея содержаніе съ греческими миѳами Атрея и Тіеста, Пелопса, Прокны и Филомены. Онъ приводитъ то мѣсто изъ Метаморфозъ Овидія, гдѣ Прокна, мстя за сестру, угощаетъ мужа мясомъ сына своего, — и говоритъ ей мужъ: „Приведите его ко мнѣ, моего любимаго сына!“ — И не скрываетъ болѣе жестокой радости Прокна, и, желая повѣдать ему все его горе,

говоритъ: онъ съ тобой, тотъ, кого ты зовешь....
А онъ оглядывается....

У Якушкина, стр. 108; зап. въ Малоархан. уѣз. Орловской губ. Варіантъ его гораздо короче Самарскаго и Саратовскаго.

11.

Со восточной со сторонушки,
Съ петербургской славной со дороженьки,
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку:
„Не сиди, дѣвушка, долго вечеромъ,
Долго вечеромъ, до полуночи,
До полуночи, до бѣлой зари!
Ты не жги, не жги свѣчи сальныя,
Ты не жди къ себѣ — дорога гостя,
Дорога гостя, друга милаго!“
На бѣломъ свѣту ко мнѣ милъ пришелъ,
Не гостить пришелъ, не гоститися.
—„Я пришелъ къ тебѣ, моя лапушка,
Распроститися, доложитеся:
Ты прикажешь-ли, лапушка, женитися!“
—„Ахъ, ты, милый мой, ты, сердечный мой!
Ты возьми, возьми свой булатный ножъ,

Ты пронзи, пронзи мою бѣлу грудь;
Распори мое ретиво сердце,
Ты женись тогда, разбезсовѣстный;
Ты возьми мою подруженьку,
Свою прежнюю полюбовницу!“

У Якушкина, стр. 176.

12.

Какъ по лугу, по лужечку
Вода соливатъ,
По зеленому лужечку
Золота струя бѣжитъ;
Что и струинька за струинькой —
Бѣлòй лебедь плыветъ,
Что бѣлáя-то лебедка —
Красна дѣвица душа,
Что и сѣрый селезень —
Добрый молодецъ;
Что увидитъ дѣвка молодца,
Обрадуется;
Во бѣломъ-то лицѣ
Кровь появится.

12.

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляла,
Невеличка, круглоличка,
Румяное личко.
За ней ходитъ, за ней бродитъ,
Удалой молодчикъ;
Онъ и ходитъ, онъ и носитъ
Дороги подарки,
Дорогіе тѣ подарки—
Кумачи, китайки.
„Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Принеси, моя надежа,
Алаго гризету,
На двѣ шубки, на двѣ юбки,
На двѣ тѣлогрѣйки,
Чтобъ не стыдно было дѣвкѣ
На улицу выйти.
Перешей, моя надежа,
Въ нѣмецкое платье.
Благодарствую, молодчикъ,

Снабдилъ ты дѣвицу.
Я пойду ли молоденька
Во торгъ торговати,
Что во торгъ ли торговати,
На рынокъ гуляти;
Я куплю млада-младенька
Пахучія мяты!
Посажу ли эту мяту
Подлѣ своей хаты.
Не топчи, бѣлъ-кудреватый,
Пахучія мяты:
Я не для тебя сажала,
Водой поливала;
Для кого я поливала,
Того обнимала“.

14.

Цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики да поблекли.
Любилъ парень дѣвушку, любилъ да покинулъ,
Покинувши, въ глаза надсмѣялся.
„Ты не смѣйся, добрый молодецъ, надъ красной дѣвицей,
„Я сама-то, сама — отсмѣю тебѣ насмѣшку!“

По городу по Саратову дѣвушка гуляла,
Гербовой листъ-листочекъ закупала,
На мила-то дружка просьбу подовала
Астраханскому губернатору.
„Ахъ, ты, батюшка, губернаторъ,
„Разсуди ты наше дѣло;
„Не разсудишь наше дѣло—
„Дойду до синоду“.
—„Ахъ, глупая, неразумная, красна дѣвица!
„Безъ поры-то безъ времени солнце не взойдетъ,
„Безъ привѣта молодецъ не зайдетъ“.

У Якушкина два варіанта, стр. 118 и 119. Первый сохранился гораздо полнѣе и лучше изъ всѣхъ трехъ текстовъ пѣсни.

15.

Подуй, подуй, погодушка, холодненькая,
Раздуй, раздуй, погодушка, калинушку въ саду,
Калину съ малинушкой, лазоревый цвѣтъ,
Широкой дороженькой, гдѣ миленькой шелъ;
Веселой компаньицей *), гдѣ миленькой пьетъ,
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, за мной младой шлетъ.

*) Веселая бесѣдушка. Вар.

А я, млада-младешенька, замѣшкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольной за пташечкой за журонькою.
Журавонька молоденькій по бережку шелъ,
Шелковую травушку *) пощипываетъ,
Холодной рѣчной водой прихлебываетъ,
За рѣченьку за быструю поглядываетъ.
За рѣченькой за быстрой слободка стоитъ,
Слободушка не малая четыре двора,
Во этихъ-то во дворикахъ по кумушкѣ есть.
Вы, кумушки-голубушки, подружки мои!
Кумитеся, любитеся — любите меня!
Пойдете въ зеленъ садикъ, возьмите меня,
Вы будете цвѣты срывать, нарвите и мнѣ,
Вы будете вѣнки свивать, завейте и мнѣ **);
Пойдете-ль вы къ Шуманъ рѣчкѣ, возьмите меня,
Шуманъ рѣчка невеличка, круты берега;
Изъ этого изъ бережка песокъ высыпалъ:

---

*) Ковыль-траву. Вар.

**) Вы станете въ рѣку бросать, бросьте и мой!
Какъ всѣ вѣнки поверхъ рѣки, а мой потонулъ:
Какъ всѣ мужья съ Москвы пришли, а мой не бывалъ.
Вар., запис. у переселенцевъ изъ Воронеж. губ.

На томъ на песочкѣ лѣсокъ выросталъ,
А изъ того ли изъ лѣсу зайчикъ выбѣгалъ,
Малешенекъ, бѣлешенекъ, какъ снѣгу комокъ.

У Якушкина, стр. 182.
Ставр. уѣз., въ с. Хрящевкѣ.

16.

Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ,
Добрый молодецъ со квартирушки долой соѣзжаетъ.
„Я любилъ на тебѣ, квартирушка, три зимушки зимовати,
„Три веснушки весновати.
„Ты прощай, моя милая квартира, милая хозяйка!
„Никто меня, добра молодца, никто не проводитъ!
„Провожали молодца все чужіе люди,—
—„Все красныя дѣвки“.

17.

Казаченько молодой —
Недавно разстался
Съ Сашинькой своей; (Съ невѣстой своей. В.)
Сталъ онъ разставаться
Три слова сказалъ: (Ручьемъ слезы лилъ.)
„Вспомяни, моя милая,

Меня на войнѣ,
Пиши, дорогая,
Письмецы ко мнѣ!“
Перво написала,
Здорова была;
Второ написала,
Очень я больна; (Сдѣлалась больна)
Третье написала,
Вскорѣ померла.
Милъ всходитъ въ конюшню,
Беретъ онъ коня;
Накладываетъ сѣдельцо,
Ножки въ струмена,
Плеткой пріударилъ,
Птичкой возвился.
Большую дорожку
Сосной устилалъ;
Широко подворье
Пескомъ засыпалъ.
На крыльчико всходитъ—
Въ траурѣ стоятъ;
Во горницу всходитъ,
Во новенькую,

Увидалъ онъ милую
Свою во гробу. (Въ бѣлыимъ гробу. В.)
Руками всплеснулся,
Палъ на бѣлу грудь:
„Ужъ ты мать ли, мать моя, —
Сырая земля,
Приняла ты милую,
Прими и меня!....“

Одинъ вар. зап. Сам. уѣз., въ Кондурчахъ.

18.

Какъ по-морю, по моречку
Черной корабль плыветъ;
Гостиный сынъ Василій
По кораблю идетъ.
Во звончатые гусельцы
Поигрываетъ;
Подаетъ онъ голосокъ
Сашѣ милой въ теремокъ,
Чтобы милая моя
Не дремала, не спала,
Не дремала, не спала,
Дорога гостя ждала;

Дорога дружка, дружечка,
Дружка милинькаго.
Какъ и солнце на закатѣ,
Свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ;
Гостиный сынъ Василій
За охотою пошелъ,
За охотою такой
За дѣвичьей красатой;
Увидала изъ окна
Его маменька родна:
„Полно, полно, сынъ Василій,
Ты дурачить перестань,
Прочь отъ дѣвицы отстань!“
—Сударыня, мила мать,
Тебѣ меня не унять
За рѣку ходить гулять,
Мнѣ за рѣченьку
Ходить ли-ходить,
У маіора дочь Сашурыньку
Любить ли-любить.
У маіора дочь Сашура
Она очень хороша;
Какъ сидѣла у окна

У косящетаго,
Буйну голову чесала,
Русу косыньку плела,
Русу косыньку плела,
Къ себѣ милаго ждала.

Якушкина стр. 208, зап. въ Холмогорахъ, и другой варіантъ, очень близкій къ этому послѣднему, изъ Шенкурска, зап. г. Борисовымъ.

Пѣсня, кажется, старая (гостиный сынъ, теремъ, гусли), но очень подновлена.

19.

Рѣки, быстрыя протоки
Разливалися широко,
Потоплялися глубоко;
Оставался бережокъ —
Одинъ зѣленый лужокъ.
По лужку дѣвки гуляли,
Красавицы цвѣты рвали,
Они рвали-порывали,
Два вѣночка совивали,

Совивали, соплетали,
На головушку вздѣвали,
Сами себя украшали;
Вдоль по улицѣ гуляли,
Итти домой припоздали;
Отдохнуть подъ кустикъ сѣли.
Подъ ту пору, подъ тотъ часъ
Самъ охотникъ наѣзжалъ,
Со добра коня слѣзалъ,
Коня къ кусту привязалъ,
Самъ къ дѣвушкамъ подбѣжалъ,
Хорошо дѣвкамъ сказалъ.
Дѣвка парня полюбила,
Потому лице открыла:
Ты гляди мое лице!
Лице бѣло припотѣло,
Разгуляться захотѣло.
Пойду я во горенку,
Сяду я на лавочку,
Возьму балалаечку,
Стану я играти,
Пѣсни припѣвати:
Что хрящовскіе ребяты

Разжились очень богаты,
Разжились, разбылись,
Разбогатѣлися,
Въ Казань городъ поступили,
Черны шляпы покупили,
Бархотками изувили,
Булавками изубили,
Чтобы дѣвушки любили,
Намъ подарочки носили,
Намъ на шеи-то платочки,
А на ручки перстенечки.

Зап. Ставропольскаго уѣз.,
въ с. Хрящевкѣ.

Здѣсь повидимому соединены двѣ разныя пѣсни: не только содержаніе, но и самый размѣръ даютъ право думать это. Второй мотивъ начинается съ словъ:

Пойду я во горенку,
Сяду я на лавочку....

Обѣ половины пѣсни, судя по складу и риѳмѣ, принадлежатъ недавнему времени, и мало за-

ключаютъ въ себѣ поэтическихъ образовъ и звуковъ.

20.

Бѣленькій денекъ проходитъ, ночка наступаетъ,
Темна ночка наступаетъ, милый присылаетъ,
Ко мнѣ милый присылаетъ и самъ пріѣзжаетъ,
Что на легкіихъ на дрожкахъ ко мнѣ подъ окошко,
Говорить со мной немножко объ моемъ несчастьи,
Объ моемъ большомъ несчастьи, все объ нездоровьи.
Какъ и я млада младенька
Твѣтно платье надѣвала, на дворъ выходила,
Съ милымъ говорила.

Зап. въ Самарѣ.

21.

Изъ-за горъ-горы
Ѣдутъ мажуры.
Стукъ-брякъ во колечко:
„Выйди-ка, коханочка моя!
Дай коню воды!“
— Не могу я встати,

Коню воды дати:
Мати моя заказала,
Чтобъ я съ паномъ не гадала.
Матуси боюсь. —
„Матуси не бойся,
На мой конь садися!
Мы поѣдемъ въ чужой край,
Въ мурованый домъ.“

Пѣсня эта, подобно нѣсколькимъ другимъ, въ которыхъ говорится о панахъ и талерахъ, конечно занесена была колонистами изъ западныхъ губерній, и можетъ быть здѣсь уже передѣлана изъ польскаго или малороссійскаго на русскій ладъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ есть нѣсколько семействъ шляхты, большею частію однодворцевъ. Такими же передѣлками надобно признать нѣсколько малороссійскихъ мотивовъ, переложенныхъ на великорусскій языкъ, какъ напр.

Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи....

Въ сборникѣ Метлинскаго есть нѣсколько примѣровъ обратнаго перехода великорусскихъ пѣсенъ въ малороссійскія.

Къ этому же роду относятся и слѣдующія пѣсни:

22.

Какъ на горкѣ на горѣ,
На высокой, на крутой,
Стоялъ новый кабачекъ,
Сосновенькій чердачекъ.
Какъ во этимъ чердачкѣ
Пьетъ голинькій мужичекъ.
Богачи дивуются,
На что онъ пируется.
Не дивуйтесь, богачи!
Шинкарочкѣ заплачу:
Размѣняю талера,
Куплю пива и вина.
Шинкарка, шинкарочка!
Повѣрь мнѣ пивца, винца.
Вѣрю, вѣрю, младый панъ,
На тебѣ синій кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ.
Моя дочка Аночка
Распрекрасна кралечка;
Въ субботу помолвлена,

Въ воскресенье вѣнчана.
Поѣхали ко вѣнцу,
Не сказалися отцу;
Пріѣхали отъ вѣнца,
Спросили пивца, винца,
Стали пить-попивать,
Поименно называть:
Скажи, скажи, младый панъ,
Какъ по имени зовутъ?
Изъ мѣщанъ я мѣщанинъ,
По прозванью Карповъ сынъ.
Скажи, скажи, млада панья,
Какъ по имени зовутъ?
Изъ мѣщанъ мѣщанка я,
По прозванью Карповна.
Поди, сестра, въ монастырь
Замаливать тяжкій грѣхъ,
А я пойду въ темный лѣсъ.

Въ Самарѣ.

23.

Засвистали казаченьки во чистыимъ полѣ,
Заплакала Марусенька свои ясны очи.

Не плачь, не плачь, Марусенька, мы возьмемъ
съ собою.
Мы возьмемъ тебя съ собою, назовемъ сестрою,
Хоть сестрою не родною, женой молодою.
Мать сыночка провожала въ дальнюю сторонку:
Поѣзжай-ка, мой сыночикъ, да не забавляйся,
Поскорѣе, мой сыночикъ, назадъ возвращайся.
Среди двора широкаго конь его споткнулся.
Али ты, мой конь ретивый, невзгодушку чуешь?
Какъ убитъ былъ Панъ-панковскій у бѣлаго камня;
Приходила къ нему панья-жена молодая.
Не я ль тебѣ, Панъ-панковскій, не я ль говорила:
Перестань ты, Панъ-панковскій, съ Москвой воевати!
Московская-Расейская великая сила!

Поется переселенцами изъ Симбирска.

24.

Объ чемъ ты, Машенька, плачешь,
Объ чемъ ты слезы льешь?
— Ахъ, какъ же мнѣ не плакать,
И какъ слезы не лить?
Одинъ-то былъ зеленый садъ,

И тотъ сталъ посыхать;
Одинъ-то былъ сердечный другъ,
И тотъ сталъ забывать.
Пойду-то я, младешенька,
Съ горя погулять;
Не увижу-ль я, несчастная,
Друга своего.
Погляжу-то я, младешенька,
На четыре стороны,
Посмотрю я горькая
На зеленый садъ:
Тамъ сидитъ соловушекъ,
Громкимъ голосомъ поетъ:
Не мой-ли размиленькій
Въ чужой сторонѣ.
Возьму я несчастная
Въ руки пистолетъ,
Прострѣлю несчастная
Бѣлу грудь себѣ.
Тогда мнѣ дѣвушкѣ
Сердцу легче будетъ:
Положутъ несчастную
Въ гробову доску,

Закроютъ несчастную
Бѣлымъ полотномъ.
Опустятъ младешеньку
Во сыру землю,
И никто объ дѣвушкѣ
Не станетъ тужить.
Вспомнитъ мой размиленькій
Обо мнѣ младой;
Придетъ на могилу онъ
Проститься со мной.

25.

Красота ли, красота,
Молодецка простота!
Присушила дѣвчоночка
Удалаго молодца;
Она вынула румяны
Изъ его бѣла лица.
Пойду съ горя въ чисто поле,
Во зеленые луга,
Я разспю *) грусть-тоску

*) Разгуляю. Варіантъ.

По зеленому лужку,
Ты рости-рости, кручина,
Выростай, моя печаль! *)
Ты не сохни, ты не вяни,
Ты цвѣтами разцвѣтай!
Въ саду много вишени,
Винограду съ грушею.
Виноградъ растетъ на вѣткѣ,
Соловушекъ поетъ въ клѣткѣ,
А я слушалъ, пернималъ,
Подъ кустомъ сидѣлъ-дремалъ;
Изъ-подъ кустика пошелъ,
Во высокъ теремъ зашелъ,
Дивовался я тому,
Никого нѣтъ въ терему;
Много зеркалъ и картинъ,
А я молодецъ одинъ.
Я садился молодецъ
На тесовую кровать,
Сталъ я плакать-горевать:
Красота ли, красота,

---

* Выростай, горе-печаль. Вар.

Молодецка простота!
Присушила русы кудри
Ко буйно́й головѣ,
Что заставила шататься
По чужой сторонѣ,
Какъ заставила любить
Чужемужнюю жену.
Чужемужняя жена —
Полынь-горькая трава.
Канарейка-пташечка *)
Примотала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи.
Твой-отъ соколъ-соколецъ,
Удало́й онъ молодецъ,
Онъ сманилъ-сманилъ дѣвицу
Изъ инаго города.
Стосковалася дѣвица,
Во горѣницѣ сидючи;
Она стала шить-кроить
Бѣлый браный положекъ.

---

*) По народному выговору Вост. Россіи «кинарейка»

Мнѣ не спать молодцу
Въ бѣломъ браномъ положку,
Только спать мнѣ молодцу
Въ легкой лодкѣ на носу.

Здѣсь повидимому соединено нѣсколько мотивовъ такъ, что мѣстами старинные звуки народной пѣсни мѣшаются съ новыми, которые напоминаютъ лакейскія или фабричныя романы. Окончаніе ср. съ № 31.

Одинъ вар. зап. Николаевскаго уѣз. въ слободѣ Порубежкѣ. Другой въ самомъ Николаевскѣ.

26.

Гдѣ ты, голубь, вечоръ былъ,
Гдѣ ты, сизый, побывалъ?
У голубушки въ гостяхъ,
У сизенькой на вѣстяхъ;
Я на лѣвомъ крылѣ спалъ,
Сверху правымъ обнималъ.
Какъ проснулся по утру,
Голубушки со мной нѣтъ:
Улетѣла на тотъ свѣтъ;

Я пущуся за ней вслѣдъ;
Взовьюсь-голубь-высоко,
Опущуся далеко;
Сяду бѣдный на гору,
Погляжу я подъ гору:
Подъ горой песокъ лежитъ,
Свѣжій ключикъ тамъ бѣжитъ,
И убитая, въ крови,
Здѣсь голубушка лежитъ.
Знаю, знаю, кто убилъ,
Кто душеньку погубилъ.
Изъ дворовыихъ людей,
Изъ высока терема,
Изъ косящата окна,
Изъ ружья лакей стрѣлялъ,
Онъ въ голубушку попалъ,
Онъ сизую погубилъ.

Варіантъ:

Что нерадошно ты, голубь,
Голубь, по полю леташь,
Нерадошно воспѣвашь?
— Чему радоваться мнѣ?

Вечоръ поздо въ вечеру,
Во вторымъ почи часу,
У голубки въ гостяхъ былъ,
Сладку водочку я пилъ,
На правомъ крылѣ я спалъ,
Сверху лѣвымъ обнималъ.
Какъ проснулся на зарѣ,
Пробудился на бѣлой;
Голубушки со мной нѣтъ....

27.

Какъ надъ рѣчкой, надъ рѣкой
Свѣтитъ мѣсяцъ молодой.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ,
Слезно плачетъ, говоритъ:
На травонькѣ не роса,
Это — дѣвичья слеза.
Въ темномъ лѣсѣ въ тишинѣ
Соловей громко поетъ.
„Соловей, мой соловей,
Голосистый, молодой!
Отыщи, гдѣ мой милой!
Ему жалобно пропой,

Ты скажи-ко про меня,
Какъ была ему вѣрна.“
— Красна дѣвица-душа,
Разгрущу вѣрно тебя:
Въ темномъ лѣсѣ подъ кустомъ
Гробъ уставленъ со крестомъ.

28.

Несчастненькій мальчикъ,
Все горе терплю.
Сушу, крушу сердце,
Не знай для кого,
Вѣрно для того,
Кого я люблю.
Любовь разлучаетъ
Съ милымъ далеко,
Далеко, не близко,
Межь горъ высоко.
Тамъ снѣжки глыбоки,
Вѣтеръ холоденъ,
Съ той сторонки воздухъ —
Пріятенъ несетъ:
Выду-ль я молодчикъ

На красенъ крылецъ,
Велю заложить я
Троечку лихихъ,
Троечку лихіихъ, —
Коней вороныхъ,
Самъ сяду въ коляску,
Самъ я покачусь,
Дойду до нея я,
Спрошу я ее:
Скажи, размилая,
Любишь, али нѣтъ?
Если меня любишь,
Возьму за себя;
Если ты не любишь,
Убью самъ себя!

29.

Ой зеленое мое виноградье!
Что хорошъ пригожъ милый ненаглядный,
Ненаглядная ягодка родилась.
Восходилъ свѣтелъ мѣсяцъ не высоко,
Провожала я своего дружка недалеко,
За новыя ворота, за огороды,

За широкія проулки, закоулки.
Я немножко со милымъ дружкомъ постояла,
Какъ и вешній денечикъ, весь денечикъ,
А осеннюю ночку до свѣточку.
Ужъ я все про все съ милымъ говорила
Про единое словечушко забыла;
Позабыла своему дружку приказати:
Не женися, мой милый другъ, не женися,
Хоть женися, мой милый, не ошибися,
Не бери старую бабу вдовую!
Вѣдь у вдовушки обычай не дѣвичій.
Какъ постелюшку ли стелетъ, слезно плачетъ,
А взголовье воскидаетъ, все рыдаетъ;
Она прежнюю ладу вспоминаетъ:
„Ой ты, свѣтъ, моя ладушка первая!
Ничего я за тобой, лада, не знавала,
Я и мягкой постели не стилала,
Я высокаго взголовья не вскидала.“

30.

У насъ по улицѣ, у насъ по широкой,
У насъ по муравѣ, у насъ по зеленой
Не молодка играла, молодая плясала;

Играла, плясала, таночки водила,
Башмачки разбила.
Увидѣлъ ее свекоръ, увидѣлъ ее лютый:
„Потише, невѣстка, потише, голубка,
Сноха молодая,
Не сшиби, невѣстка, съ башмачка каблучка,
Съ каблучка гвоздочка.“
— Не рви тебя, свекоръ, не рви тебя, лютый,
На игру ли глядя, на мое веселье;
Не ты покупаешь, не ты снаряжаешь;
Купилъ мнѣ-ка батюшка, снарядилъ мой братецъ,
Себѣ на честь-славу, а мнѣ на покрасу,
Молодому человѣку до самаго вѣку.

31.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Лице бѣлое горитъ.
Калина, малина,
Малинушка моя.
Сама плачетъ — говоритъ:
На что миленькій сердитъ?
Калина, малина....
У кроватушки стоитъ,

Стлать постелю не велитъ;
Во зеленый садъ манитъ:
Пойдемъ, Шаша *), во садокъ,
Сорвемъ розовый цвѣтокъ,
Мы завяжемъ въ узелокъ
Во батистовый платокъ;
Ужъ мы выйдемъ на лужокъ,
Сядемъ вмѣстѣ подъ кустокъ.
Развернемъ-ка мы платокъ,
Мы развяжемъ узелокъ,
Поглядимъ мы на цвѣтокъ:
Ужъ и что-й-то за твяточикъ,
Что за аленькій такой?
Онъ не сохнетъ, онъ не вянетъ.
По мнѣ милый не вспомянетъ.
Я вечоръ свому милому
Русы кудри завила;
Я вила — таки вила,
Приговаривала,
Я наказывала:
Пойдешь, милый, на дѣвишникъ, —

---

[1]) Простонародное вм. Саша.

Не залеживайся!
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся!
Какъ хороши да пригожи
Все насмѣшливыя;
А косая да дрянная,
Вѣковѣшная твоя,
Вѣковѣшная твоя
Да неразлучная твоя.

Ставроп. уѣз., въ с. Хрящевкѣ.

Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ строкъ; тоже самое и въ слѣдующемъ варіантѣ:

У воротъ дѣвка стоитъ,
Сама плачетъ — говоритъ,
Сама плачетъ — говоритъ:
Безъ милаго скучно жить!
Уѣзжаетъ моя радость
Въ чужедальну сторону.
На хорошихъ — на пригожихъ
Не заглядывайся!
Калина, малина,
Малинушка моя.

32.

Ой горе, горе та, не оране поле,
Ой мука, мука та, не кошены луга.
Та найму я косаривъ семдесятъ та еще чотыри.
Косарики косять, витеръ повивае;
А где же мій милый-серце, съ кимъ винъ розмовляе?
Если съ лучшею, помози ему Боже!
Если съ худшею, розлучи его Боже!

Сам. уѣз., село Кондурги; жители-переселенцы изъ Полтавской губ., Роменскаго уѣз. изъ села Хоружевки.

33.

Да вже сосидъ жыто сіе,
У сосида зеленіе,
А у мене не сіяно,
И на поли не орано.

У сосида хата била,
У сосида жинка мила,

А у мене ни хатынки,
Нема жинки, ни дитынки.

Тамъ-же.

34.

„За Кубань иду,
Гэй, коню, мій коню,
Заграй пидо мною!
Дивчино, прощай!“ 2.
— За Кубань идэшь,
Мэнэ покидаешь,
Чого жъ тамъ, козаченько,
Чого тамъ шукаешь? — 2.
„Я иду туда,
Дэ роблять на диво
Червоное пиво
Зъ крови сопостатъ.“ 2.
— Ужъ тоби, козаченько,
Видтиль нэ вэртаться,
Тамъ тоби, козаченько,
Тамъ и оставаться. — 2.
„Дивчино, нэ плачь,
Нэ рви мого сэрця,

Якъ рокъ сій минэться,
Пріиду оньять.“
— Якъ яворъ зэленый
Головоньку склоне,
Зузуля кукукнэ, диброва застогне,
Тоды ужъ, мой милый, не будэ тэбэ. —
„Якъ воронъ въ викно
До тэбэ закряче,
Изъ-за горъ прискаче
Козаченько твій.“

Запис. тамъ-же.

35.

Диду миду дорыну,
Тыжъ було селомъ идешь,
Ты жъ було въ дуду граешь;
Тэперь тэбэ не мае,
Твоя дуда не грае;
Пыщыки осталыся,
Чортъ зна, кому досталыся.

36.

А въ сусида у Ивана
Хата била, жинка гарна,
Нижки билы, невелычки,
Носыкъ жовтый — черевички;
А у мене хата чорна,
Жинка брытка, немоторна,
Усэ спыть та лэжыть,
Не хоче вона робыть.
Скажешь: „Гапко, встань раненько,
Прибэри всэ хорошенко!“
Вона й слухать не хоче,
Та якъ видьма сокоче,
Притулывшысь до куточка,
Тай сопэ бисова дочка.
У сусида у Ивана
На обидъ борщъ та смитана,
Та все въ мысахъ оловьяныхъ;
А у мэнэ у боки
Насувае кулаки.
Якъ пиде у вечерныци,
Та заграе на скрыпици,

Вона грае и тонцуе,
Зъ москалями все жартуе....

37.

Что ты, сердце, болишь, ноешь?
Ничего, сердце, не скажешь: —
Ни радости, ни печали?
Не у мѣста садикъ выросъ,
Въ чистомъ полѣ при долинѣ,
При зеленой луговинѣ.
Я не знаю, какъ и быть,
Я не знаю чѣмъ полить.
Я полью садикъ ситою,
Что ситою медяною;
Я не знаю, какъ и быть,
Что куда мнѣ дочь отдать?
За-мужъ дочку отдавала,
Фатой покрывала.

Семья.

38.

Какъ братъ сестру нѣжитъ,
По головкѣ гладитъ:
— Сестрица родная,
Рости поскорѣе!
Выростешь велика,
Отдамъ тебя замужъ —
Въ другую деревню,
Въ несовѣтну семью,
Гдѣ бьются, дерутся,
За волосы берутся.
Куда я поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду:
„Здорова, сестрица,
Здорова, родная!“ —
„Родимый мой братецъ,
Не больно здорова.
Дубовыя двери
Всю ночь проскрипѣли,
Шелковая плетка

Всю ночь просвистала
Объ мое тѣло бѣло.
Какъ съ вечеру тѣло
Какъ снѣгъ было бѣло,
А къ утру то тѣло
Какъ котелъ посинѣло.“

39.

Какъ жила была вдовушка-вдова,
Какъ у той ли у вдовы было три дочери:
Ужъ отдамъ ли я первую дочь — за боярина,
Я вторую дочь отдамъ за крестьянина,
А какъ третью-то дочь за татарина.
Пишетъ письмо что любимая дочь:
„Ахъ, любимая моя матушка!
У мово-то мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку все огни горятъ,
На мое ли тѣло бѣлое
Все куютъ прутья мѣдныя.“
Ужъ какъ пишетъ середняя дочь:
„Ты, любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку да все огни горятъ,

Какъ и ткутъ и шьютъ платья бархатныя
На мое ли тѣло бѣлое,
На мое ли тѣло нѣжное.“
Пишетъ мнѣ меньшая дочь:
„Ахъ, любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку темную, осеннюю,
Осеннюю, да ночку долгую, все огни горятъ;
Ужъ на то ли мое тѣло бѣлое
Они ткутъ и шьютъ золоты парчи.“

Поютъ пересел. изъ Нижняго.

Срав. у Якушкина пѣсню, записанную въ Орловской губ., Малоарх. уѣз. „У отца, у матери, Зародились три дочери.“ 115. Вмѣсто боярина, крестьянина и татарина тутъ тѣ-же роли играютъ татаринъ съ плетями шелко́выми, подъячій съ золотыми перстнями и посадскій съ платьями шелковыми. Въ этой перестановкѣ трудно опредѣлить смыслъ каждой черты и отношеніе ихъ ко взгляду народа на сословія.

40.

Отдаютъ меня младу
Что за Волгу за рѣку,
Въ чужую деревню,
Въ несовѣтну сёмью:
Еще свекоръ да свекровь,
Семеро девѣрьевъ,
Три золовушки,
Да двѣ тетушки.
Какъ и свекоръ говоритъ:
„Къ намъ медвѣдину ведутъ“;
А свекровь-то говоритъ:
„Надоѣдницу ведутъ.“
Деверья говорятъ:
„Къ намъ непряху ведутъ,“
А золовки говорятъ:
„Къ намъ неткаху ведутъ.“
А двѣ тетушки сидятъ,
Все про тоже говорятъ.
Свекоръ-батюшка!
Свекровь-матушка!
Вы позвольте мнѣ

По избѣ пройти,
Ногой топнуть,
Слово вымолвить!
Какъ медвѣдица-та
Во темномъ лѣсу,
Надоѣдница-та
Свекровь-мачиха.
Деверья, вы, соколы,
У васъ жены таковы.
Вы, золовушки,
Вамъ самимъ замужъ итти.
А вы, тетушки,
Вы, голубушки!
Я поставлю на порогъ,
Да въ три шеи до воротъ!
Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ.
Не косись на меня,
Не боюсь я тебя.
Мужъ руку отвелъ,
По щекѣ жену оплелъ;
Жена руку отвела,
По всей рожѣ оплела.

У Якушкина, стр. 143. Замѣчательна энергія, съ которой выражается здѣсь протестъ противъ насилія и непріязни чужой семьи, непривѣтливой для молодой жены.

Поютъ переселенцы изъ Оренб. губ.

41.

Вдоль по улицѣ,
Вдоль по широкой,
Идутъ дѣвушки
И моло́душки,
А меня — младу —
Все съ собой зовутъ.
Вы постойте-ка,
Подождите-ка!
Я пойду — спрошусь
Свекра-батюшки.
„Отпусти гулять,
Свекоръ-батюшко!“
— Я гулять пущу,
Шкуру до-пятъ спущу. —
Шкура волочится,
Гулять хочется.

Я украдуся,
Нагуляюся,
Со милымъ дружкомъ
Повидаюся.

У Сах., стр. 32. № 16.

42.

Не сонъ мою головушку клонитъ,
Не дрема качаетъ;
Хмѣлинушка въ головушкѣ бродитъ,
Да вонъ не выходитъ.
Пойду я млада доломъ-долинóю;
На встрѣчу мнѣ казакъ молодѐнёкъ.
Спрошу, спрошу казачка молодаго:
Куды эта дороженька пала,
Куды пала, куды пролегала?
Али въ лѣсъ, али въ чисто поле?
Въ чистомъ полѣ бѣлоярова пшеничка,
Во пшеничкѣ ракитовый кустикъ;
На кусточкѣ соловушекъ свищетъ.
Меня свекоръ домой кличетъ.
Хоть кличь—не кличь, я къ тебѣ не буду;
Если буду, тебя не забуду.

Буз. уѣз. с. Зуевка изъ Вор. губ.

У Якушкина, стр. 140:

„Не хмѣль мою головушку клонитъ...
. . . . . .
Хоть кличь, не кличь, я домой не буду;
Буду ль, нѣтъ ли, я завтра поутру.“

43.

Какъ у баушки у Варварушки
Солучилася пиръ-бесѣдушка;
Сидятъ гости — люди добрые,
Честны-хвальны попадеюшки,
Честнѣй того красны дѣвушки.
А постылый мужъ впереди сидитъ;
Мой-отъ миленькій на скамеечкѣ
По конецъ стола напротивъ меня.
Ужь мы смигнемся, мы улыбнемся,
А постылый мужъ догадается,
Онъ изъ пиру вонъ подымается,
Меня — мòлоду — за рукавъ тащитъ,
За тоненькій, за ольляненькій,
Какъ по улицѣ мимо кузницы.
Во той кузницѣ два кузнечика,
Что куютъ они, приноравливаютъ,

*

Все чужихъ женъ приговариваютъ:
Какъ чужая-то жена ровно мѣдь хороша,
А моя-то жена ровно шутъ водяной.

У Костомарова, стр. 54, № 33.

44.

Чужи жены — лапушки,
Бѣлыя лебедушки,
А моя шельма-жена —
Полынь — горькая трава,
Неурядливая,
Недогадливая:
Три дня печку не топила,
Всю недѣлю не мела,
Много сору набрала
Подъ судныя лавки,
Подъ красна окошка.
На мое безрядье
Пріѣхали гости,
Взяли всѣ по горсти;
Одна гостья умная,
Умная — разумная,

Къ полу припадала,
Сору нагребала.
Выйду ль я во сѣни,
Выйду ль во новыя,
Ударю въ ладони.
„Свекоръ, свекоръ-батюшка,
Свекровушка-матушка!
Пожалуйте санокъ,
Да пару лошадокъ!“
— Невѣстушка-любушка,
Бѣлая лебедушка!
У насъ такъ не водится,
Въ саняхъ соръ не возится:
У насъ то ведется —
Вѣничкомъ метется. —

Поется переселенцами изъ Симб. губ.

45.

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, моя лучинушка, неясно горишь!
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?

Я была въ печи вчерашней ночи:
Лютая свекровушка въ печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всеё залила.
Дѣвушки-подруженьки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, молодешенькѣ, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать — мила друга ждать...

Зап. въ Николаевскѣ.

46.

Накачалась на меня зла-лихà жена;
Не продать мнѣ жену, не въ закладъ отдать.
Я пойду съ горя на синё море,
Ужь куплю ли я тамъ корабль новенькой,
Обобью мой корабль алымъ бархатомъ,
Обовью мои снасти крупнымъ жемчугомъ,
Посажу ли я жену, жену-барыню;
Какъ найму ли я гребцовъ, гребцовъ-мòлодцевъ;
А гребцы-то гребутъ, какъ крыломъ машутъ,
А корабль-то плыветъ, какъ стрѣла летитъ,
А жена-то плачетъ, какъ рѣка льется.
Ты жена ли моя, жена-барыня,
Какъ хозяинъ твой на палатяхъ лежитъ,

Черезъ брусъ-то онъ все въ окно глядитъ:
Ты, жена-ль моя, жена-барыня,
Ты поди ко мнѣ, погляди въ окно:
У меня ли все гости сидятъ.

47.

Я по бережку хожу, хожу,
Я на быструю гляжу, гляжу;
Меня рѣченька топить хочетъ....
Немилый мужъ — журитъ, бранитъ,
Журитъ, бранитъ, постричься велитъ.
— „Постригись, моя немилая,
„Ты посхимься, распостылая!
„За постриженье дамъ сто рублей,
„За посхимленье дамъ тысячу.
„Я поставлю тебѣ келейку —
„Что новехоньку, малехоньку,
„Во оградушку окошками,
„Во зеленый садъ — краснымъ крыльцомъ,
„И накрою чернымъ бархатомъ,
„Разувѣшу цвѣтами алыми!“
Мимо келейки старцы ѣхали,
Старцы ѣхали перехожіе,

Перехожіе, переѣзжіе,
Моей келейкѣ дивовалися.
— „Ужь и что это за келейка,
„Что во келейкѣ за старичка,
„За молоденька монашенка,
„Что во кельѣ за монашенка?
„Молодехонька пострижена,
„Что пострижена, посхимлена;
„За какой грѣхъ Богу молится,
„За великій, знать, спасается?!...„
— „Ахъ, вы старцы перехожіе,
„Перехожіе, переѣзжіе,
„Неразумные, недогадливы!
„Вы спросите, разузнайте-ка?....
„Да ужь, Богъ съ тобой, немилый мужъ!..
„На роду мнѣ такъ написано!..“

Въ сборникѣ Сарат. пѣсенъ г. Костомарова, стр. 29. Такое невольное постриженіе было дѣломъ обыкновеннымъ въ русской семьѣ до XVIII ст., какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Котошихинъ въ главѣ „О житіи бояръ, и думныхъ, и ближнихъ, и иныхъ чиновъ людей.“ Женихъ зналъ о своей невѣстѣ

только по записи о приданомъ да по разсказамъ какой-нибудь родственницы или знакомой; когда же послѣ свадьбы случалось, что она была нехороша, то онъ билъ и мучилъ и всячески принуждалъ постричься. „А иные мужья и жены много того чинятъ, велятъ отравами отравити.“

48.

Вы придите, дѣвушки, ко мнѣ, подумайте обо мнѣ,
Подумайте обо мнѣ, о несчастной моей головѣ.
Я не знаю, какъ, дѣвушки, быть — безъ милаго друга жить:
Нападаетъ грусть-тоска, кручинушка велика́.
Я кручину-горе все терпѣла, теперь буду съ милымъ жить,
Одного буду любить; — мнѣ неволюшка велитъ,
Мнѣ неволя-печаль-горе, чужедальна сторона.
На чужой-дальной сторонкѣ мужъ удалая живетъ голова,
Мужъ удалая живетъ голова, пьетъ, гуляетъ завсегда,

Пьетъ-гуляетъ самъ поры не знаетъ, безъ времени, безъ поры,
Безъ времени, безъ поры, вплоть до бѣлой до зари.

Зап. въ Николаевскѣ, Сам. губ.

49.

Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Лежатъ доски тонки-хлестки.
Я по тѣмъ доскамъ ходила,
Я ходила и гуляла,
На одну доску ступила,
Тое доску перломила,
За то меня свекоръ журилъ,
Журилъ-бранилъ не за дѣло,
За игру мою, за пляску,
Что я млада игрелива,
Игрелива и шутлива.

50.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежду себя воркуютъ-говорятъ
Какъ про добраго молодца,

Про Матвѣя про Петровича:
Онъ и съ тысячи на тысячу ступалъ,
Ассигнаціей дорогу устилалъ,
Сиротушекъ изъ неволи выкупалъ:
Вы подите, сиротинушки, домой,
Помолитеся вы Богу за меня,
Какъ за добраго мо̀лодца.

У Сах., стр. 118, № 40.

III.

Хороводныя, игральныя и обрядовыя пѣсни.

Хороводныя и обрядовыя пѣсни заключаютъ въ себѣ много остатковъ старины. Было время, когда онѣ соединялись съ религіозными обрядами, какъ хоры у грековъ; но теперь религіозное значеніе ихъ давно утратилось, и трудно его опредѣлить. Тѣмъ не менѣе въ этихъ пѣсняхъ слышится намъ память о Дунаѣ, о синемъ морѣ, о боярахъ, о колядѣ и авсенѣ, о купалѣ и моренѣ. Въ нихъ же рисуется и семейная жизнь. Вообще эти пѣсни очень разнообразны по своему содержанію, и часто пѣсня должна быть поставлена въ отдѣлѣ хороводныхъ только потому, что ее поютъ въ хороводѣ. Къ хороводнымъ же отнесъ я и нѣсколько святочныхъ игральныхъ пѣсенъ.

Я не помѣстилъ здѣсь такихъ пѣсенъ, которыя поются вездѣ и встрѣчаются во всѣхъ сборникахъ, напр. Ужь я золото хороню, Вкругъ я города хожу, Подушка подушечка, Вѣнчикъ и т. п., такъ же точно какъ въ предъидущемъ отдѣлѣ пропущены мной: Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ, Я вечоръ млада во пиру была, По улицѣ мостовой, Вкругъ я келейки хожу, и тому подобныя пѣсни, слишкомъ извѣстныя каждому.

1.

У воротъ, воротъ, воротъ, *)
Воротъ батюшкиныхъ,
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Разыгралися ребята,
Распотѣшилися.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Еще мнѣ ли молодцу,
Нездоровится.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!

*) Какъ у нашихъ у воротъ. В.

Нездоровится,
Гулять хочется.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Я украдуся,
Да нагуляюся.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Я сапожки на ножки,
Смуръ кафтанчикъ на плеча.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
И гудочикъ подъ полой,
Подъ правою стороной.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Въ хороводъ къ дѣвкамъ зашелъ.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Въ хороводъ къ дѣвкамъ зашелъ,
На скамейку сѣлъ.

Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
На скамью, скамью, скамью,
На дубовенькую.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Я ударю во струну,
Во серебряную.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Вы послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Что струна-то говоритъ,
Мнѣ жениться велитъ.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Мнѣ жениться, разориться,
Стару бабу взять.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!

Стару бабу взять —
На печи ее держать.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить,
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Съ киселя — весела,
Съ молока — молода!
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай *)!

Варіантъ этой пѣсни почти безъ всякихъ отмѣнъ, только съ нѣкоторыми пропусками.

2.

Ужь какъ звали молодца,
Позывали молодца.

---

*) Красну дѣвку замужъ взять —
Въ терему ее держать,
Чаемъ-кофеемъ поить
И конфетами кормить.

Ты, Дунай ли, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай.
Позывали молодца
За рѣку къ мужику,
За рѣку пиво пить,
На игрище играть.
Ужь какъ тотъ ли молодецъ
Сталъ отнѣкиваться,
Сталъ отнѣкиваться,
Отговариваться:
Мнѣ и не съ кѣмъ, мнѣ и не въ чемъ,
Право не отъ кого!
Только есть у меня
Двое вѣрныхъ слугъ.
Вы берите-ка ключи,
Отпирайте сундуки;
Вынимай кафтанъ
Ало-бархатный,
Вынимай шапку
Черноморевую,
Вынимай сапоги
Черно-бархатны.
Какъ пошелъ молодецъ

За рѣку къ мужику,
За рѣку пиво пить,
На игрище играть,
Посадили молодца
Противъ вдовьяго лица;
Уронилъ онъ свою шапку
Черноморевую: *)
Охъ ты, вдовушка, вдова,
Подыми шапку мою.
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
. . . . . (пѣсня опять поется сначала).
Посадили молодца
Противъ дѣвичья лица,
Уронилъ онъ свою шапку
Черноморевую:
Охъ ты, дѣвица-душа,
Ты подай шапку мою,
Черноморевую.

---

*) Парень вдовушкѣ поклонъ,
Пухова шляпа долой. Варіантъ.
У Сах., стр. 28, № 8.

Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаю тебя.
Охъ Дунай, ты, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Хороводная пѣсня, едва ли не общая для всей Великой Россіи; но начало ея представляетъ варіантъ, котораго намъ не случалось слышать въ другихъ губерніяхъ.

3.

Какъ у нашихъ у воротъ (2).
Ай люли — у воротъ (2).
Стоялъ дѣвокъ хороводъ (2).
Ай люли — хороводъ (2).
Молодушекъ табунокъ....
Меня дѣвки кликали,
Молодушки манили.
Ходитъ свекоръ по двору,
Расчесавши бороду:
„Поди, сноха, погуляй,
Съ ребятами поиграй!“
Хоша пустилъ, пригрозилъ:

*

„Гуляй, сноха, до поры,
До вечерней до зари!“
Какъ зоринька занялась,
А я млада поднялась.
Подхожу я ко двору,
Ходитъ свекоръ по двору,
Растрепавши бороду.
„Свекоръ-батюшка, пусти!“
Свекоръ-батька не пущатъ....
„Милый ладушка, пусти!“
Онъ вороты отворилъ,
И меня младу пустилъ.

Поется пересел. изъ Нижняго-Новгорода.
У Сах. стр. 44, № 53.

4.

По улицѣ, по улицѣ широкой,
По муравѣ, по муравѣ зеленой,
Леталъ голубь, леталъ сизой
Со голубушкою.
У голубя у сизаго
Золотая голова,
У голубушки его

Позолоченая,
Посеребряная.
У когожь у насъ, братцы,
Молодая жена?
И молоденькая, и хорошенькая?
У Ѳедюшки молодая жена,
И молоденькая, и хорошенькая.
Ему большіе братья
Позавидовали.
Ужь кабы, братецъ, это
Да моя была жена,
У воднихъ рукахъ была,
Однимъ рукамъ ручена;
Я бъ не билъ бы, не журилъ,
Я бъ бѣлилъ, румянъ, купилъ,
Я бъ бѣлиться велѣлъ,
Румяниться приказалъ,
Еще хорошо ходить,
И хорошаго любить
А дурнаго не любить.
Охъ, грубая, спѣсивая,
Ѳедорова жена,
Она пѣшая къ обѣдни

Не хаживала,
Она лѣтнимъ путемъ
На колясѣ ѣдетъ,
А зимой студеной
Все на писаныхъ саняхъ,
На ямщицкихъ лошадяхъ,
Все съ извощичками.
Извощички молодые,
Въ рукахъ плети шелковыя,
Прихлесните, присвисните,
Ко этому ко двору,
Да все къ Ѳедорову.
Ѳедорушка господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
„Ужь ты, женушка, жена,
Жена, барыня моя!
Ай гдѣ же ты была,
Гдѣ погуливала?“
— Я была ли, другъ была,
Я у кумовой жены.
Ужь я ѣла и пила
Какъ и медъ, и вино;

Про твое, сударь, здоровье
Стаканъ меду выпила. —
„Да спасибо те, жена,
„Не забыла про меня.“
— Ужь и какъ тебя забыть?
Не могу тебя избыть! —

5.

Пойду-ль я, выйду-ль
Въ лѣсъ по малинушку;
Сорву-ль я, вырву-ль я
Винную ягодку.
Тали винна ягода
Взяла младу — розняла.
Кинусь я, брошусь я
Ко батюшкѣ на руки.
Мнѣ не спится, не лежится
У батюшки на рукахъ.

. . . . . .

Кинусь я, брошусь я
Ко матушкѣ на руки.
Мнѣ не спится, не лежится
У матушки на рукахъ.

. . . . . .

Кинусь я, брошусь я
Ко милому на руки.
Мнѣ и спится, и лежится
У малаго на рукахъ.

Поютъ пересел. изъ Нижняго.

6.

Улица, улица, ты, широкая,
Мурава, мурава, ты зеленая!
Кому улицу разыграть будетъ?
Разыграть будетъ красной дѣвушкѣ,
Свѣтъ Авдотьюшкѣ Филипьевной;
Ой, она у насъ игреливая и шутливая.
Повела танокъ, у зела платокъ, (т. е. взяла)
Танокъ вывела, платокъ кинула,
Слово молвила, бояръ выслала.
Боярь-бóяря, боярь-гóспода!
Выдьте вы сюда, станьте къ стóронѣ,
Станьте къ стòронѣ, все по-óдали,
Разойдитеся, поклонитеся.
Родный батюшка со торгу ѣдетъ;
Онъ съ игры кличетъ, подарить хочетъ
Небольшимъ даромъ, воронымъ конемъ:

Сѣдло ковано, обушовано,
Плеть шелковая, сторублевая,
Авдотьюшку — куньей шубою,
Свѣтъ Филипьевну бобромъ пущеной,
Бобромъ пущеной, наземь-пущеной,
Все по травушкѣ, по муравушкѣ,
По муравушкѣ по зеленою.

Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „ойля, оляли!“

Буз. уѣзда. с. Зуевка.

Вар. въ Р. Бес. 1860. 2. стр. 73.

7.

Ой на горѣ калина̀,
Подъ горою, мой миленькій, малина.
Тутъ дѣвушки гулялѝ,
Тутъ дѣвушки, мой миленькій, гуляли,
Хорошенькій гуляли,
Калинушку ломали,
Мой миленькій, ломали,
Въ пучечки, хорошенькій, вязали,
На дорожку, мой миленькій, клали,
Два молодца брали.
Ты, молодчикъ молодой,

Возьми меня за себя,
Мой миленькій, за себя,
Хорошенькій, за себя,
Для забавы за себя,
Для забавы, мой миленькій, за себя.
Хорошенькій, за себя.
Изловлю я соловья,
Для забавы, мой миленькій, для тебя.

Зап. въ Николаевскѣ.

8.

Какъ по морю-морю синему,
По синему по Хвалынскому,
Плыветъ лебедь со лебедкою,
Со малыми съ лебедятами.
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Ушибъ, убилъ лебедь бѣлую.
Онъ кровь точилъ во сыру землю,
А пухъ пустилъ по синю морю,
Разнесъ перья по чисту полю. —
Сбиралися красны дѣвушки
Въ чисто поле брати перышки.
Брали перья красны дѣвушки; —

Мимо ѣхалъ добрый молодецъ.
„Богъ на помочь, красна дѣвица душа,
Тебѣ брати легки перышки!“
Тутъ дѣвица не склонилася,
Добру молодцу поклонъ не отдала;
Грозилъ парень красной дѣвицѣ-душѣ:
„Добро, дѣвка, добро, красная,
Что быть тебѣ за моею головой,
Стоять тебѣ у кровати тесовой,
Знобить, дѣвкѣ, рѣзвы ноженьки свои,
Слезить тебѣ очи ясныя твои.“—
Тутъ дѣвушка поклонилася:
„Я чаяла, что не ты, мой другъ, идешь,
Не ты идешь, не ты кланяешься.“ —

Одна изъ любимыхъ, хороводныхъ пѣсенъ не только въ Самарской губерніи, но и во всей восточной Россіи.

У Сах. стр. 32, № 17.

9.

Ой, матушка, тошно мнѣ!
Сударыня, грустно мнѣ!

Гулять воли нѣтъ нигдѣ,
Ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,
Ни въ конторѣ, кабакѣ.
Конторушка заперта,
Сударушка гуляетъ.
Конторушка отворилась,
Сударушка проявилась,
Вошла, Богу помолилась,
И всѣмъ судьямъ поклонилась,
Своему дружку челомъ.
За дубовымъ за столомъ
Сидитъ писарь молодой;
Онъ и пишетъ два письма,
Государевы дѣла.
Гдѣ, сударушка, была?
Думалъ, думалъ молодецъ,
Какъ по улицѣ пройти,
Къ хороводу подойти;
Подойду я къ хороводу
Тихохонько;
Поклонюсь я краснымъ дѣвушкамъ
Низехонько.
Я по первую любовь

Дѣвкѣ на ногу ступлю,
По другую я любовь
За плечо дѣвку хвачу.
Какъ у дѣвушки плечо
Разгорѣлось горячо,
Разгорѣлось, разболѣлось,
Какъ калинушка красна,
Во сыромъ бору росла,
Не дозрѣвши, та калинушка
Разсыпалася.
Что не жимши молодушка
Состарѣлася;
Состарѣлась молода́
Безъ матери, безъ отца,
Безъ миленькаго дружка.
Ужь и что это за другъ,
Семерыхъ любитъ вдругъ,
А восьмую-то жену,
Девятую-то вдову,
Десятую солдатку!
У солдатки губки сладки,
У солдатки рядокъ прямъ,
Онъ и прямъ — кучерявъ,

Подъ сараемъ ночевалъ,
Подъ кошмою почивалъ.

Тоже.

10.

Летѣли двѣ птички,
Собой невелички.
Тамъ лѣто, здѣсь зима.
Чернобровая моя!
Гдѣ онѣ летѣли,
Всѣ люди глядѣли;
Гдѣ онѣ садились,
Всѣ люди дивились.
Сѣли — посидѣли,
Взвились, полетѣли;
Взвились, полетѣли,
Пѣсенки запѣли,
Пѣли — распѣвали
И насъ потѣшали.

Послѣ каждыхъ двухъ строкъ припѣвъ:

„Тамъ лѣто, здѣсь зима.
Чернобровая моя!“

Въ другомъ варіантѣ эта пѣсня продолжается такъ:

Добрый молодецъ съ женою
По горницѣ ходитъ;
Руку сожимаетъ,
Душой называетъ,
Ужь ты, душечка моя,
Роди сына сокола,
Лицемъ бѣлымъ во себя,
А разумомъ во меня.
Отдадимъ мы сына
Грамотѣ учить,
Грамотѣ учить,
По французски говорить,
Чтобы люди намъ завидовали.

(Припѣвъ тотъ-же.)

Одинъ вар. изъ с. Кондурчей, Сам. уѣзда, другой записанъ въ Самарѣ.

11.

Я качу, качу золото кольцо,
Золото-вито колечко браліантовое;

За кольцемъ идетъ добрый молодецъ,
За собой ведетъ милу дѣвицу.
Ты возьми ее за праву руку,
Проведи ее вдоль по горницѣ,
Подойди ты къ ней да близехонько,
Поклонися ей ты низехонько,
Поцѣлуй ее ты милехонько.

12.

Въ саду яблонька стоитъ,
Соловей на ней сидитъ,
Громко пѣсенки поетъ,
Вамъ спокою не даетъ,
Къ себѣ дѣвицу зоветъ.
Гдѣ сойдемся — поклонимся,
Разойдемся — распростимся.

13.

Калина, малина,
Черная смородина!
Что рано поломана,
Въ пуки повязана,
При пути покладена,

При большой дороженькѣ?
Большая дороженька,
Что торнымъ торнешенька,
Колеомъ накачена,
Плеткою прихлыснута,
Плеткою шелкòвою,
Ручкою тяжелою.
Кто, кто у насъ ягодка,
Кто, кто у насъ вишенка?
Ягодка Аринушка,
Вишенка Левоновна.
Сестрицы, подруженьки,
Что я вамъ за ягодка,
Что я вамъ за вишенка?
Ягодка въ чистòмъ полѣ,
Вишенка въ зеленомъ саду.

Буз. уѣз., с. Зуевка.

14.

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка воротá.
Принимай-ко сокола!
А Настасья выходила,

За бѣлы руки брала,
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
Какъ на стульчикъ посадила,
Графинъ водки подала,
Во бокальчикъ наливала,
Милу другу поднесла.

Пѣсня, очень любимая въ Самарѣ между мѣщанами.

15.

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота, 2
Ты пущай-ка сокола.
Ой да люли ой люли.
Я бы рада растворила,
Вѣтеръ больно шибко бьетъ, 2
Сильнымъ дождичкомъ сѣчетъ.
Ой да люли ой люли.
Съ головушки цвѣты рветъ,
Съ бѣлой шеи янтари.
Ой да люли ой люли.

Ты зачѣмъ меня, сударушка,
Повысушила.
Ой да люли ой люли.
Безъ лютаго безъ морозу
Сердце вызнобила.
Ой да люли ой люли.
Допустила сухоту
По моему животу.
Ой да люли ой люли.
Ты разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ.
Ой да люли ой люли.
Ты заставила, сударушка,
Гулять по ночамъ.
Ой да люли ой люли.

Вар. зап. въ Николаевскѣ.

16.

Ой во кустѣ, кустѣ во калиновомъ,
Во другомъ кустѣ серебериковомъ, *)
Сидѣлъ соловей да съ соловушкой,
Сидѣлъ молодой съ молоденькою.

*) Серебрика — шиповникъ.

Соловеюшко у насъ Иванушка,
А молоденькой въ насъ Ивановичъ!
А соловьюшка у насъ Аннушка.
Ой, Иванушка убирается,
Ой, Ивановичъ наряжается,
Въ свою вотчину угосподчину.
Молодой женѣ приказываетъ:
— „Молода жена, ты, Аннушка,
Накорми коня изъ коробочки, (изъ корытечка, вар.)
Напой ворона изъ ведерочки.“ —
Ой, Аннушка, не послушалась,
Дороѳеевна понатурилась,
Кормила коня во тихихъ лугахъ,
Поила ворона во синемъ морѣ;
Сине морюшко всколыхалося,
Бѣла рыбица встрепыхалася,
А мой воронъ конь онъ успрыгался,
Онъ успрыгался, изъ рукъ вырвался,
Порвалъ повода шелковинькіе,
Поломалъ удила серебряныя.
Ай Аннушка устрашилася,
Дороѳеевна взгоревалася:
— „Ой, какъ-то мнѣ быть,

Какъ къ двору притить,
Какъ свекру сказать?„

Буз. уѣз., с. Зуевка.

17.

Ой лѣсы мои, лѣсы темные,
Перелѣски часто-дробные!
Не могу я васъ пройти,
Все за селами за веселыми,
За боярскими за хоромами.
Какъ надъ нашими надъ воротами,
Какъ надъ нашими надъ широкими,
Взошли, встали три мѣсяца,
Три мѣсяца, три ясные,
Все прекрасные:
Первый мѣсяцъ у насъ Иванушка,
Второй мѣсяцъ у насъ Григорьюшка,
Третій мѣсяцъ у насъ Никитушка,
То-то мѣсяцы, то-то ясные,
Все прекрасные.
Взошли, встали три зорюшки,
Три ясныя, все прекрасныя:
Перва зорюшка у насъ Дунюшка,

Втора зорюшка у насъ Аринушка,
Третья зорюшка у насъ Аксютушка.
То-то зорюшки, то-то ясныя,
Все прекрасныя.

Тамъ же.

18.

Что было по травушкѣ по зелёной,
Вдоль по дороженьки по широкой,
Тутъ ходилъ-гулялъ удалóй молодчикъ,
Вызывалъ дѣвчоночку къ себѣ за вороты:
— „Поди-выйди, дѣвушка, ко мнѣ за вороты;
Выйди, красная, ко мнѣ за новыя,
Со мной съ мóлодцемъ постояти,
Съ удалымъ словечко сказати!“ —
Тутъ дѣвушка къ мòлодцу выходила,
Съ удалымъ рѣчи говорила:
— „Кажись, молодецъ, я тебя не любила,
При бесѣдушкѣ я тебя стыдила,
На тебѣ я синь кафтанъ замарала,
Сафьянны сапожки я въ грязь тебѣ втоптала,
Пуховую шляпушку съ головы я сшибла“. —
Пошелъ мóлодецъ, самъ заплакалъ:

— „Пойду, матушкѣ попѣняю.
Ужь ты, матушка, моя мать родимая!
Ты, несчастнаго, меня спородила:
Меня дѣвушки не любили,
При бесѣдушкѣ меня устыдили!“ —
Какъ по травушкѣ да вдоль по муравкѣ
Тутъ ходилъ-гулялъ удало́й молодчикъ,
Вызывалъ онъ дѣвушку за вороты:
—„Выйди, дѣвушка, ко мнѣ за вороты
Со мной мо̀лодцемъ постояти!“ —
Тутъ дѣвушка къ молодцу выходила,
Съ удалыимъ рѣчи говорила:
—„Какъ я теперь, миленькій, тебя полюбила,
При бесѣдушкѣ я тебя хвалила,
На те синь кафтанъ вытирала,
Сафьянны сапожки вычищала,
Пуховую шляпушку на те поправляла.“ —
Пошелъ молодецъ взвеселился:
—„Спасибо те, матушка, мать родима!
Что ты меня сча́стлива спородила.
Меня дѣвушки полюбили,
При бесѣдушкѣ меня похвалили,
На мнѣ синь кафтанъ вытирали,

Сафьянны сапожки на мнѣ вычищали,
Пуховую шляпу поправляли.“

Послѣ каждой строки припѣвъ: „Ай люли, люшеньки!“ съ повтореніемъ послѣдняго слова въ строкѣ.

19.

По камешкамъ быстра рѣченька течетъ.
По бережку добрый молодецъ идетъ.
Охъ, охъ, охъ! по бережку добрый молодецъ идетъ.
Онъ въ рукахъ ворона коня ведетъ;
За молодцемъ красна дѣвица идетъ.
Охъ, охъ, охъ! за молодцемъ красна дѣвица идетъ.
Уронилъ онъ черну шляпы съ головы;
„Подними, моя ревнивая жена!“
— Мнѣ поднять шляпы не хочется,
Покориться — на умѣ того нѣтъ.
Я пойду млада въ зеленый садъ гулять,
Спрошу-спрошу молодаго соловья:
Ты скажи-ко, мой солоушекъ,
Кому воля, кому волюшки нѣтъ!

Воля-воля краснымъ дѣвушкамъ,
Молодушкамъ три заботушки:
Какъ и первая заботушка —
Мужъ-удалая головушка;
А вторая-то заботушка —
Чужедальная сторонушка;
А какъ третья-то заботушка —
Кропотливая свекровушка.
Охъ, охъ, охъ! кропотливая свекровушка!

У Якушкина, стр. 184. У Сах., стр. 33.
Ново-узенскаго уѣз., слобода Савинка.

20.

Ужь я сѐлезня любила,
Я касатаго любила,
Я чулки ему купила.
Люли-люли, селезень,
Люли-люли, молодой,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.
Ужь я сѐлезня любила,
Я касатаго дарила,
Башмачки ему купила.

Люли-люли, селезень,
Люли-люли, молодой,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмакахъ.

. . . . . .

Начало куплета и весь припѣвъ каждый разъ повторяются.

Я штаны ему купила.
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ...
Я кафтанъ ему купила....
Я камзолъ ему купила.
Люли-люли, селезень,
Люли люли, молодой,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмакахъ,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ кафтанѣ, селезень,
Въ камзолѣ, селезень,
Пряжки съ искорками,
Вонъ повыскакали.

Въ другихъ варіантахъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ подарки, другой, именно вотъ какой:

Люли люли, селезень,
Люли люли, молодой,
Въ кафтанѣ, селезень,
Въ камзолѣ, селегень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмакахъ,
Пряжки съ искорками,
Вонъ повыскакали.

Понятно, что окончаніе о пряжкахъ идетъ именно къ башмакамъ и должно стоять рядомъ съ ними.

21.

Сѣю-вѣю лебеду на берегу,
Завѣчаю на расадушку:
Уродись, моя расада, хороша,
Виловата, кудреватая, бѣла.

Куда вздумала, поѣхала — пошла.
Во чистóмъ полѣ коноплюшко,
Во коноплюшкѣ воробушекъ сидитъ,
Онъ сидитъ-сидитъ, насвистываетъ,
Красныхъ дѣвушекъ подкликиваетъ:
Ахъ, вы, дѣвицы — красавицы мои!
Вы придите посидите у меня,
У меня — млады; горюны — сироты.

Зап. въ Николаевскѣ.

22.

Околъ Дону, околъ Дону,
Околъ тихаго Дунаю,
Ходитъ молодецъ, гуляетъ,
Коней новыхъ выбираетъ;
Кони новы — вороные,
Узды сѣдлы золотыя.
Догадайся, догадайся,
Красна дѣвица-душа!
Принимайся, принимайся
За удала молодца,
Кой любится,
Приголубится,

Кой лучше всѣхъ,
Кой краше всѣхъ!

Село Кондурчи, Сам. уѣз.
У Сах., стр. 45, № 56.

23.

Горенка, горенка новенькая,
Въ горенкѣ печка муравленая,
Въ печкѣ печурочки серебряныя,
Въ печкѣ загнетки позолоченыя;
Въ горенкѣ дѣвица-красавица сидитъ;
Долго ли молодцу по горенкѣ ходить?
Долго ли дѣвицѣ по молодцу тужить?
Придетъ времечко — самъ подойдетъ,
Самъ подойдетъ, поцѣлуетъ — прочь пойдетъ.

Село Кондурчи, Сам. уѣз.

24.

Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ
Трава выростала,
По той травѣ — по муравѣ
Донской казакъ ходитъ,
Онъ и ходитъ, онъ гуляетъ,

Въ гусельцы играетъ;
Онъ во гусельцы играетъ,
Невѣстъ выбираетъ.
Выбралъ-выбралъ донской казакъ
Невѣсту по мысли.
„Дѣвонюшка, дѣвонюшка,
Поди за меня!
Какъ не пойдешь, вспокаешься,
Вспомянешь меня“.
Идти было къ сосѣдушкамъ
Спросить про тебя.
— Сосѣдушка — бесѣдушка,
Какой человѣкъ? —
„Хорошъ — пригожъ донской казакъ,
Собой молодецъ“.
— Спасибо вамъ, сосѣдушки,
Что вы похвалили,
Дѣвонюшкой-красавицей
Подарили. —

Зап. тамъ же.
У Сах., стр. 51, № 3.

Варіантъ.

Какъ при лугѣ, при лужечкѣ
При быстрой рѣкѣ,

Ай люли, ай люшеньки,
При быстрой рѣкѣ.
Выѣзжалъ тутъ казаченька,
Съ Дону казачекъ,
Выбиралъ онъ дѣвонюшку
Тонку, высоку,
Тонешенька, бѣлешенька,
Собой хороша.... Ай люли, ай люшеньки.

Поется переселенцами изъ Нижегород. губ.

25.

Не вода подливала (2)
Что подъ бѣлую березу, (2)
Подступала, подступала (2)
Все невѣрная сила,
Заряжали, заряжали
Графинскія (?) пушки,
Убивали, убивали
Мово пана молодова,
Красавчика дорогова.
Сиротѣли, сиротѣли
Мои милыя дѣти;
Овдовѣла, овдовѣла

Моя панья молодая,
Красавица дорогая.
Я пойду-ли, молоденька,
Вокругъ города гуляти,
Своего пана будити:
Охъ ты встань, пробудися,
Какъ соколъ встрепенися.
Не соколъ встрепенулся,
То мой панъ пробудился.
Не овдовѣла, не овдовѣла
Моя панья дорогая,
Красавица молодая;
Не осиротѣли, не осиротѣли
Мои милыя дѣти.

26.

Сѣли дѣвки на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ;
Тамъ мой миленькій дружокъ,
Слышу, слышу голосокъ,
Раздается во лѣсокъ.
Ѣдетъ милый на конѣ,
Сидитъ милая въ окнѣ,

Машетъ правою рукой:
Заѣзжай ко мнѣ, милóй,
На широкой на мой дворъ.
Среди мово двора
Стоитъ горенка новà,
Нова — выстр(ена
Чиста — выскоблена.
Въ этой горенкѣ новой
Стоитъ столикъ дубовóй;
Какъ за этимъ за столомъ
Сидитъ писарь молодой;
Онъ и пишетъ въ три пера,
Государскія дѣла,
Государскія дѣла
Будутъ правы за-всегда.
Староста, староста,
Разсуди, пожалуйста.
Какъ и староста дуракъ
Разсудилъ дѣла не такъ;
Выводи его въ народъ,
Станемъ хворостомъ пороть.

Буз. уѣз., с. Зуевка.

27.

Какъ подъ бѣлою подъ березою
Мужъ училъ жену да угрюмую:
„Возмолись, жена, восклонись, душа!“
— Не тебѣ взмолюсь, не тебѣ всклонюсь:
Возмолюсь же я свёкру-батюшкѣ.
Свекоръ-батюшка, отыми меня
Отъ своево сына отъ любимаго,
Отъ мово мужа отъ постылаго! —
Свекоръ-батюшка велитъ пуще бить,
Велитъ пуще бить, велитъ кровь пустить.

За тѣмъ повторяются первые четыре стиха. Далѣе:

Возмолюсь же я свекры-матушкѣ:
Свекровь-матушка, отыми меня....

И опять тоже окончаніе. Далѣе:

Какъ подъ бѣлою подъ березою
Мужъ училъ жену да угрюмую:
„Возмолись, жена, восклонись, душа!“
— Я тебѣ взмолюсь, я тебѣ всклонюсь. —

Зап. въ Николаевскѣ, Сам. губ.

28.

Ой на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
У нашего Макарушки
Золотые рукаушки.
Станьте въ рядъ,
Говорите въ ладъ:
Не слыхалъ ли, воробей,
Не слыхалъ ли, молодой,
Какъ дѣвушки макъ сѣяли,
Какъ красныя разсѣвали?
Ой услышалъ, воробей,
Ой услышалъ, молодой,
Какъ дѣвушки макъ сѣяли,
Какъ красныя разсѣвали,
Не пора ли мнѣ, младой,
Идти домой стряпаться:
Муку сѣять,
Хлѣбы печь,
Щи варить,
Капусту сѣчь;
Пироги становить;

*

Я поставлю во квашенушкѣ на дёнушкѣ,
На ладонушкѣ.
На золѣ хлѣбы валяла,
На печи пекла,
Кочергой гребла,
Много хлѣбовъ напекла;
Съ ними горе горевать,
Куда хлѣбушки дѣвать?
Накладу я въ коробокъ,
Повезу въ городокъ.
Никто къ хлѣбамъ не подходитъ.
Никто даромъ не беретъ.
Подошла ряба свинья,
Понюхала да пошла;
Она ѣсть-то не наѣла,
Только рыло намарала,
Три недѣли прохворала,
На четвертую недѣлю
Переставилася.
Соѣзжалися бояре,
Соѣзжались господа.
Они этой свиньѣ
Дивовалися,

Отъ чего это свинья
Переставилася.

Бузул. уѣз., с. Зуевка..

29.

Что вы къ намъ нейдете?
Боимся, боимся.
Кого вы боитесь?
Вашего короля.
Короля дома нѣтъ,
Сынъ дома и жена.
Нѣтъ сына ни жены,
Ни дочери Анны,
Своячены Марьи.
Какъ у нашего короля
Растворены ворота,
По самую верею,
По сыру землю.
Ловите, ловите
Сѣрую гусыню
За бѣлую шею.

Тоже.

30.

Ой Коляда, Коляда́,
Посконная борода!
Отпирай ворота́,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки,
Золоты окошки;
Кто дастъ каши,
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины,
Золотые чигуны.
(вм. чугуны, горшки изъ чугуна).

Зап. въ Самарѣ.

31.

Тауси *) мауси (?),
Кишки да лепешки,
Свининыя ножки,
Въ печѣ-то сидѣли,
Въ мѣшокъ захотѣли.
Черезъ баушкинъ дворъ

*) Тауси—искаженное таусень, т. е. авсень.

Летѣлъ соколокъ,
Уронилъ сапожокъ.
Кричитъ: баушка, подай,
Ты, сударушка, подай!
Мнѣ некогда подавать,
Я ширинки шью
Да къ обѣднѣ спѣшу.

Тоже въ Самарѣ.

IV.

Свадебныя пѣсни

Свадьбы и теперь представляются самымъ поэтическимъ временемъ въ жизни нашего простолюдина: въ нихъ сохраняется много старинныхъ подробностей, которыя напоминаютъ намъ самое отдаленное, до-историческое время, хотя эти подробности мало по малу теряютъ прежній смыслъ и становятся однимъ только обрядомъ. Но все таки и теперь каждый шагъ въ теченіе этого торжественнаго времени сопровождается извѣстнымъ приговоромъ, обрядомъ и пѣсней. Свадебныя пѣсни, полныя поэтическихъ образовъ и звуковъ, проникнуты глубокой грустью. Дѣвушка, разставаясь съ

родными, съ беззаботной жизнію, съ воспоминаніями дѣтства, вступаетъ въ чужую семью: она не знаетъ еще мужа, потому что не сама выбирала его; но свекоръ и свекровь представляются ей суровыми и грозными, и непривѣтно встрѣтятъ ее золовки и деверья. Ея дѣвичья воля миновалась; прошли хороводы, пѣсни и пляски: тяжелая работа и мелкое тиранство убьютъ ея молодую жизнь. Вотъ отъ чего эти стоны, которые слышатся вамъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

„Мимо моего садика,
Мимо моего зеленаго,
О-о-охъ, мимо моего зеленаго
Пролегала дороженька....
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
О-о-охъ, дочь отъ матери ѣхала,
Жалобнехонько плакала....“

Большая часть свадебныхъ пѣсенъ доставлены изъ села Зуевки, Бузул. уѣзда, въ которомъ жители — переселенцы изъ Воронежской губ. Пѣсни

эти записаны ученикомъ уѣзднаго училища въ Самарѣ крестьяниномъ Денисовымъ. Въ Сам. вѣдомостяхъ 1858 г., №№ 39 — 40, помѣщена небольшая статья О свадебныхъ обрядахъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ ученика гимназіи Еропкина; къ сожалѣнію, тексты пѣсенъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, кѣмъ-то подправлены.

1.

Не разливайся, мой тихій Дунай!
Не потопляй зеленые луга!
Въ тѣхъ ли лугахъ ходитъ бѣлый олень,
Бѣлый олень — золотые рога.
Мимо тутъ ѣхалъ удало́й молодецъ,
Стегнулъ онъ плеточкой бѣлую олень,
Бѣлую олень — золотые рога.
„Ты не бей меня, молодой господинъ!
Въ нѣ въ которо время сама пригожусь:
Будешь жениться, — на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Дворъ освѣчу — всѣхъ гостей взвеселю,
Пуще того я невѣсту твою,
Невѣсту твою — красну дѣвицу душу,

Чтобы она да не плакала,
Чтобы не теряла бѣлаго лица.“

Вар. въ Р. Бес. 1860. т. 2. стр. 79.

2.

Долина-долинушка!
Раздолье широкое!
По той по долинушкѣ
Гулялъ тутъ дѣтинушка, (2)
Удалъ-добрый молодецъ. *)
„Гуляй, гуляй, дитятко,
Гуляй, чадо милое!“
— Какъ всѣ люди женятся,
А я не женатъ хожу. —
— „Женись, женись, дитятко,
Кая те поглянется.“
— Поглянулась, Машенька,
У сосѣда дѣвушка,
У сосѣда дѣвушка —
Въ горницѣ приборщица. —

Зап. въ Николаевскѣ.

(* Увидала матушка
Съ высокаго терема. Вар.

3.

Селезенюшка сизъ-косатъ,
Ой молоденькій бѣлъ-хохлатъ!
Не леталъ ли ты на морѣ,
Не видалъ ли ты утушекъ!
Какъ мнѣ на морѣ не летать,
Какъ мнѣ утушекъ не видать!
Плыли утушки съ тростничка,
Плыли сѣрыя съ камышка,
Усѣ утушки хороши,
Усѣ сѣрыя пригожи.
Одна утушка лучше всѣхъ,
Одна сѣрая пригожѣй,
Одна перушкомъ порябѣй,
А головкою посизѣй.
Ой ктожь у насъ бѣлъ-румянъ,
Ой ктожь у насъ чернобровъ?
Иванушка бѣлъ-румянъ,
Ой Петровичъ чернобровъ.
Не бувалъ ли ты у-тестя,
Не видалъ ли ты дѣвушекъ?
Какъ мнѣ у-тестя не бывать,

Какъ мнѣ дѣвушекъ не видать!
Тамъ шли дѣвушки съ терема́,
Тамъ шли красныя съ высока̀,
Усѣ дѣвушки хороши,
Всѣ красныя пригожи,
А Авдотьюшка лучше всѣхъ,
Григорьевна пригожѣй:
Она личикомъ побѣлѣй,
Она бровками почернѣй,
А косой русой порусѣй;
Въ косѣ ленточка по-алѣй.

4.

Авдотьюшка воду носитъ,
Коромысла гнутся.
Архипушка въ окно глядитъ,
Самъ слезою льется.
— Да что же вы, коромысла,
Давно не сломались,
Дубовыя ведерочки
Давно не скололись?
Да что же ты, Архипушка,
Давно не женился? —

„Опричь тебя, Авдотьюшка,
Никто не взлюбился,
Опричь тебя, Григорьевна,
Никто не по нраву“.
— Ужь я выду за вороты,
Все луга, болоты;
Ужъ я выду за новыя,
Луга зеленые.
Гляну, гляну —
Въ чисто поле,
Архипъ тамъ гуляетъ;
Какъ Архипъ ли тамъ гуляетъ
На ворономъ конѣ.
На немъ шапка, на молодцѣ,
Что макъ разцвѣтаетъ,
На немъ перстень, на удаломъ,
На три поля сіяетъ;
Онъ на три поля сіяетъ,
На всѣ на четыре.
Архипушка Авдотьюшкѣ
Послы посылаетъ.
Авдотьюшка Григорьевна
Пословъ не примаетъ:

„Коли онъ меня полюбитъ,
То самъ ко мнѣ будетъ“.

5.

На дворѣ невзгодушка, студеная зимушка;
Авдотьюшка за Архипомъ послала,
Послала семь сотъ рублей на славу,
Себѣ она, Григорьевна, на хвалу,
Чтобы привезли Архипа побывать,
Чтобы привезли Николаевича погулять.
Гордая, спѣсивая Авдотья,
Не знала, что въ городости сдѣлать:
Затѣяла больши дѣла батюшкѣ,
Раскинула шитый коверъ на дворѣ,
Посадила сходатаго свата во шатрѣ,
Зазнобила сходатаго свата на коврѣ.
Затѣяла други дѣла батюшкѣ,
Раскинула еще шитый коверъ на дворѣ,
Посадила Архипушку на конѣ;
Сама пошла въ теремъ Бугу молиться:
„Создай, Боже, красное солнце на дворѣ,
Обогрѣй Архипушку на конѣ,
Николаевича на ворономъ!

6.

Григорьева матушка
Всю ноченьку не спала,
Лучинушку свѣтила,
Григорьюшку учила:
„Григорьюшко, дитятко,
Акимовичъ, милое!
Поѣдешь ты жениться,
Встрѣнутъ тебя шурья,
Шурья-братья родные,
Они съ пивами, съ медами;
Станутъ тебя подчивать:
Не пей вино, не кушай.
Возьми рюмку въ руки,
Вылей коню въ гриво,
Подъ право копыто,
Стань ты, гриво, колесомъ,
Григорьюшко-молодцомъ,
Акимовичъ — молодымъ,
Авдотьюшка — дѣвушкой,
Григорьевна — красною.„

7.

Сижу я во теремѣ
Далеко позадѣ,
Слышу я, какъ лебедь
Лебедушку кличетъ:
„Ой, свѣтъ, лебедушка,
Свѣтъ моя бѣлая,
Подлетай ко мнѣ поскорѣе!
У меня приволья довольно,
У меня раздолье широко,
У меня луга и болота
И сѣнные покосы,
У меня трава шелковàя,
Вода ключевая.“
Сижу я во теремѣ
Далеко позадѣ,
Слышу я, какъ Иванъ
Авдотьюшку кличетъ:
„Авдотьюшка Николаевна,
Подъѣзжай ко мнѣ поскорѣе;
У меня приволья довольно,
У меня раздолье широко,

У меня горенка новая,
Кровать тесовая,
Перина пуховая,
Одѣяло шелковое„.

8.

У воротъ трава растетъ,
У воротъ шелковая,
По лугамъ зеленая.
Еще кто траву топталъ,
Кто ее протаптывалъ?
Ой топтали травушку
Все сватья сходатые,
Мужики богатые;
Сватались за дѣвушку,
Сватались за красную,
Марью Ивановну.
А Марьинъ-то батюшка
По подворью гуляе,
По приданому тужитъ;
Мнѣ не жалко Марьюшки,
А мнѣ жаль приданаго:
Гусака чубараго

И гусыню сѣрую,
Гоголя съ гоголкою,
Щеголя съ щеголкою.
Гоголекъ Архипушка,
Бѣленькій Ивановичъ;
Гоголка-то Марьюшка,
Бѣлая Ивановна.

Начало въ Р. Б. 1860. 2. 74.

9.

Воюнъ, воюнъ-воробей,
Залетная пташечка,
Горемычна кукушечка!
Ты куда, куда леталъ?
Я изъ саду дѐ-саду,
До калины, малины,
До черной смородины,
До дружки-воробьюшки,
Соловьюшки-Любушки.
Горюнъ бѣдный нашъ Иванъ,
Побѣдная голова!
Куда ѣдешь отъ двора?
Я изъ села до села,

*

До тестева до двора,
До тещина терема,
До Авдотьиной клѣти.
Онъ къ клѣточкѣ подъѣзжалъ,
Объ дверочку постучалъ,
Авдотьюшку выкликалъ:
Авдотьюшка, выди къ намъ,
Григорьевна, выступи!
Я бы рада вышла къ вамъ,
Я батюшки боюся,
И матушки стыжуся,
Всеёй семьи не смѣю;
Я не смѣю, не выду,
Я не молу, *) не скажу.
Авдотьюшка говоритъ:
Иванушка, стой, постой!
Петровичъ, ты подожди!
Ужь я радъ бы подождалъ,
Мой воронъ конь не стоитъ,
Копытами въ землю бьетъ,
Изъ копыта руда **) льетъ.

---

*) Не молу—тоже, что не молвлю. Пров.
**) Руда—кровь. Стар.

Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Ала лента глаза бьетъ,
Съ головы шляпа валится
На бѣлы руки катится,
На золоты перстенечки,
На серебрены колечки.

10.

Мимо садику зеленаго,
Пролеталъ тутъ соловьюшка.
Онъ во садикъ зазираетъ;
Онъ пташечекъ выспрашиваетъ:
„Ужь вы пташечки, соловушки,
Вы скажите, не потаите
Про мою ли соловьюшку?“
Ему пташечки отказали,
Молодыя отвѣтили:
— „Ей тутъ нѣту, не видано.“ —
„Я самъ знаю, что она здѣси,
Въ темномъ лѣсѣ
Гнѣздышко вьетъ.
Въ темномъ лѣсѣ совиваетъ.
Не одна жь она гнѣздечко вьетъ,

Съ нею пташки пособляютъ,
Молодыя помогаютъ,
Въ чисто поле отлетаютъ,
По перышку собираютъ
И гнѣздышко совиваютъ.„
Мимо терема высокаго
Проѣзжаетъ Архипушка,
Онъ во теремъ зазираетъ;
У дѣвушекъ выспрашиваетъ:
„Вы, дѣвушки подруженьки!
Вы скажите, не потаите
Про мою ли Палагеюшку?“
Ему дѣвки отказали,
Красавицы отвѣтили:
— Ей тутъ нѣту, не видано. —
„Я самъ знаю, что она здѣси,
Во теремѣ во высокомъ;
Дары кроитъ, ширинки шьетъ.
Не одна жь она дары кроитъ,
Ширинки шьетъ,
Ей дѣвицы помогаютъ,
Красавицы пособляютъ;
Въ новый городъ отъѣзжаютъ,

Разнаго шелка закупаютъ,
По ширинокѣ вышиваютъ,
Палагеюшкѣ отсылаютъ.“

Припѣвъ послѣ каждой строки: ладо, ладо!

11.

„Какъ тебѣ, перепелушка,
Какъ тебѣ, чисторябая,
Пожаръ будетъ перелетѣть?
Крылышки опалишь,
А ноженьки обожжешь.“
— А я пожаръ перлечу,
Крылышки не опалю,
И ноженьки не обожгу;
Я крылышки подберу,
А ноженьки подожму. —
„Какъ тебѣ, Устиньюшка,
Какъ тебѣ, Афанасьевна,
Свекру будетъ угодить?“
— Я свекру угожу:
Воды на руки подамъ,
Съ полотенцемъ постою. —

„Какъ тебѣ, Устиньюшка,
Какъ тебѣ, Афанасьевна,
Свекровьюшкѣ угодить?“
— Я свекровьюшкѣ угожу,
Въ головушкѣ погляжу,
Рубашечку вымою. —
„Какъ тебѣ, Устиньюшка,
Какъ тебѣ, Афанасьевна,
Иванушкѣ угодить?„
— Я Иванушкѣ угожу,
Постелюшку постелю
Сголовьеце положу.

12.

Зиму и лѣто сосёнушка
Была зелена.
Въ пятницу Прасковьюшка
Была весела,
А въ субботу головушку
Гладила,
Въ воскресенье —
— Къ вѣнчанью шла,
Плакала.

Не милосливъ, сударь батюшка,
Для меня,
Отдаетъ въ чужіе люди
Отъ себя.
Остаются три садика
Безъ меня,
Остаются всѣ три зелены,
Всѣ цвѣтутъ.
Вставай же ты, мой батюшка,
Раненько!
Поливай зеленые сады
Частенько,
Не утренними, вечерними,
Зарями,
Послѣ того горючими,
Слезами.
Откуда гонитъ Ефимушка
Семерыхъ коней,
Семерыхъ вороныхъ
Восьмой возъ;
Запречь те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить то бы скоморошничка,

Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка,
Была весела.
Чтобы она, Ивановна,
Была завсегда.

13.

Кто, кто въ чести сидитъ,
Кто, кто въ бесѣдушкѣ?
Никита въ чести сидитъ,
Ивановичъ въ бесѣдушкѣ!
Обернись, Никитъ Ивановичъ,
Къ намъ лицомъ,
Вотъ тебѣ чарочка съ винцомъ,
Намъ копѣечка съ копьемъ,
Съ государевымъ письмомъ!
Никита Ивановичъ!
Человѣкъ ты богатый,
Ай тебѣ столько не стало,
Ай тебѣ денегъ не достало!
Ты займи у товарища,

У своего друга милаго,
У Авдотьи Николаевной.
Ой Авдотья Николаевна!
Выведи изъ позора,
Изъ великаго безчестья!

14.

Какъ по сѣнюшкамъ Авдотьюшка ходила,
Какъ по новымъ Николаевна гуляла,
Изъ завѣсочки орѣшечки щелкáла,
Шкаралупочки въ горсточку клала,
Въ переднее оконушко метала,
Въ Николаевы кудри попала,
Чтобы, чтобы Николаюшка оглянулся,
Чтобы ты, Севастьяновичъ, усмѣхнулся.

15.

Кто тебѣ, Николенька, рубашку прялъ,
Кто тебѣ алленую?
Пряла мнѣ Аринушка,
Она тонко напряла,
Чисто выткала,
Она бѣло убѣлила,

Хорошо хлёстко исшила,
Николеньку снарядила.
„Износи, Николенька,
Износи рубашечку
Въ корысти и радости,
У добромъ здоровійцы!“

16.

Ой Авдотьюшка у батюшки
Дорогая была гостейка,
Золотая метелочка.
Она мела высокъ теремъ,
Изъ кута до порога,
До вешняго пода,
Положила вѣничекъ
Подъ порогъ подъ коничекъ,
Сама сѣла на коничекъ;
Сѣла-посидѣла,
Тяжело воздохнула,
Въ слезахъ рѣчи говорила,
Про батюшку помянула:
„Государь, ты, мой батюшка,
Государыня, моя матушка!

Ты на что дрова рубишь?
На что теремъ топишь?
На что зелено вино куришь?“
Дочь, ты, моя доченька!
Я тебя замужъ отдамъ.
Я твоихъ гостей поить,
Я твоихъ разлучниковъ. —
Разлучили меня молоду
И съ отцомъ и съ матерью,
И съ роднею-родёнюшкой,
Съ большою семеюшкой.

17.

Авдотьина матушка
Мела, мела сѣни,
Потеряла вѣникъ —
Золотую ручку,
Шелковую связку,
Алую завязку,
Бумажные листья.
Взойду я въ избу,
Туды-сюды гляну
По всѣмъ уголочкамъ;

Уголочки пусты,
Авдотьюшки нѣту
Съ большими сундуками,
Съ большими дарами,
Съ алыми платками,
Съ тонкими холстами,
Съ тонкими ольяными.
Григорьевна мати
Мела, мела сѣни,
Нашла себѣ вѣникъ —
Золотую ручку,
Шелковую связку,
Алую завязку,
Бумажные листья.
Взойду я въ избу,
Туды-сюды гляну
По всѣмъ уголочкамъ:
Уголочки полны,
Авдотьюшка здѣся
Съ большими сундуками,
Съ бѣлыми дарами,
Съ алыми платками,
Съ тонкими холстами,

Съ тонкими ольяными.
Теперь мои сѣни
Метеныя будутъ;
Теперь моя хата
Убранная будетъ;
Теперь мои крюки
Увѣшаны будутъ;
Теперь мои чашки, ложки
Вымытыя будутъ.

18.

Не шумите, не гремите, боярѐ!
Чей-то конь по улицы гуляѐ?
Да все это Ивановъ конь гуляѐ,
Да все это Петровичевъ пѣтурмуѐ;
Ворвался его воронъ конь въ огородъ,
Онъ въ огородъ — въ зеленъ садъ;
Вишенье, орѣшенье поломалъ,
Макушки, верхушечки поскусалъ.
Мимо шла Авдотьюшка, смолчала,
Мимо шла Григорьевна ничего;
Не смолчала Авдотьина матушка,
Сломила калинову вѣточку,

Калинову вѣточку одно-лѣточку,
Ударила ворона коня по бедру,
Зацѣпила Иванушку по лицу,
По бѣленькой по румяненькой по щечкѣ.
Будь же ты, Иванушка, бѣлъ-румянъ,
Будь же ты, Петровичъ, чернобровъ,
Чтобы тебя Авдотьюшка не узнала,
Чтобы тебя Григорьевна не угадала.
Пріѣзжаетъ Иванушка ко двору,
Пріѣзжаетъ Петровичъ къ своему,
Среди двора его матушка встрѣчала:
Гдѣ ты, мое дитятко, пробувалъ?
Былъ я въ сударыни тещи во гостяхъ,
Немножечко за столикомъ посидѣлъ,
Всѣ ноженьки про ножечки (?) перламалъ,
Утирочки-шириночки пермаралъ,
Все это Авдотьюшку цѣловалъ;
Цѣловалъ-миловалъ, ни съ чѣмъ домой пріѣхалъ,
Только привезъ расшитую ширинку,
Которую Авдотьюшка дарила,
Которую Григорьевна жаловала.

19.

Ой на дворѣ дождь, дождь
Силенъ поливаетъ;
По тому-ли по дождичку
Авдотья гуляетъ:
Она тужитъ, горюетъ:
„Куда-жь-то мнѣ дѣться,
Куда схорониться?
Я кинуся, брошусь
Къ батюшкѣ на сѣни,
Къ родному на новыя,
Еще жь на высокія.
Ой батюшка скажетъ:
— Родимая дочка!
Тутъ тебѣ не мѣсто,
Еще не помѣстье;
Ой мѣсто, помѣстье
У лютаго свекра;
У лютаго свекра
Хлѣба-соли много
И всего довольно. —
У лютаго свекра

Привѣту мнѣ нѣту,
Ни ласкова слова,
Ни желанной рѣчи:
На первыя встрѣчи
Не хороши рѣчи.“

20.

Бѣлъ заюшка, горностаюшка,
Куда бѣжишь да не оглянешься назадъ,
Не оглянешься, не воротишься?
Ай у тебя гдѣ привадушка есть?
Привадушка — камышъ травушка,
Прилука моя — ключевая вода,
Разлука моя — шелковая трава.
Митріюшка Спиридоновичъ,
Куда ѣдешь да не оглянешься назадъ,
Не оглянешься, не воротишься?
Ай у тебя гдѣ привадушка есть?
Привадушка свѣтъ Марьюшка душа.
Она меня да привадила къ себѣ,
Привадила, приголубила, млада,
Заставила часто въ гостюшки ходить,
Приневолила все гостинчики носить,

Гостинчики — сладки прянцы на меду,
Орѣшки все калененькіе,
Каленые, подаренные,
Издалеча привезенные.
Митріюшка Спиридоновичъ!
Да чтожь тебя долго вечеру нѣтъ?
Металъ шатры онъ у тестя на дворѣ,
Ловилъ ластокъ-горностаюшекъ,
Поймалъ куну свѣтъ Марьюшку душу.
Ему та куна понравилася,
Лицомъ, бровью и румяницею,
Косой русой и дѣвичьей красотой;
Во ко́сушкѣ шелковенькій косничекъ.
Садился онъ ко Марьюшкѣ подъ бочокъ,
Выплетывалъ шелковенькій косничекъ,
Онъ сплелъ себѣ шелковую плеточку,
Чтобы было чѣмъ ворона́ коня погонять,
Чтобы было чѣмъ Марьюшку пробужать:
Вставай, вставай, ой Марьюшка, раненько,
Пряди, пряди, Афанасьевна, тоненько,
Води, води Митріюшку хлѣщенько! *).

*) Хлѣщенько — хорошо, щеголевато.

21.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да горъ высокіихъ,
Летитъ стаюшка сѣрыхъ гусей,
А другая лебединая.
Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Ко тому стаду сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кликати;
Ее начали гуси щипать,
А лебедушка стала кричать:
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
Занесло меня погодою,
Погодою полуденною,
Полуденною-студенною.
Какъ заѣхала душа красна дѣвица
Къ добру молодцу на широкій дворъ,
Заѣхавши стосковалася.
Ее начали журить-бранить,

Молодушка стала плакати:
Не журите, бабы старыя!
Не журите меня — мóлоду!
Не сама я къ вамъ заѣхала:
Завезли меня кони добрые
Удалаго добра молодца.

ПѢСНИ СОЛДАТСКІЯ.

Солдатскія пѣсни возникаютъ со времени Петра Великаго, заступая мѣсто былинъ и пѣсенъ историческихъ. Это время было неблагопріятно для народной поэзіи, но тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ очень поэтическія произведенія, какъ можно видѣть изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ нами въ началѣ отдѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли до XVIII столѣтія, и въ этомъ надобно искать объясненія свѣжести и глубины поэтическаго чувства, которое слышится въ нихъ: тутъ имя солдата подставлено вмѣсто казака или

вообще вмѣсто удалаго добраго молодца, какой выведенъ, напр., въ пѣснѣ:

„Ужь какъ палъ туманъ на синё море....
„Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ...“

За то солдатскія пѣсни нынѣшняго столѣтія едва могутъ быть названы народными; я не помѣстилъ самыхъ дикихъ и уродливыхъ.

1.

Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ,
По алымъ цвѣтамъ по лазоревымъ,
Тутъ стоялъ-то полкъ казаченьковъ.
Какъ всѣ-то казаченьки во фрунту стоятъ,
Во фрунту стоятъ по своимъ мѣстамъ;
Какъ одинъ-то казакъ позадѣ полку, позадѣ фрунту.
Онъ и думаетъ думу крѣпкую.
Подходилъ къ нему младъ урядничекъ,
Онъ и сталъ его выспрашивать:
„Охъ, ты что, казакъ, призадумавшись стоишь?
Или думаешь думу крѣпкую?
Или жаль тебѣ, казакъ, отца съ матерью?

Или жаль тебѣ роду-племени?
Или жалко тебѣ свою сторону?“
— „Мнѣ не жаль-то отца съ матерью,
Мнѣ не жаль-то свою сторону,
Только жалко мнѣ малыхъ дѣтушекъ!“

2.

Ночи мои темныя,
Вечера веселые! (Вечера осенніе. Варіантъ.)
Ужь я всѣ ночи просиживаю;
Ужь я всѣ-то думы передумаю,
Какъ одна дума съ ума нейдетъ:
Кабы были у меня сизы крылушки,
Еще были-бъ у меня золотыя перушки,
Воспорхнулъ бы, воспорхнулъ бы высоко,
Полетѣлъ бы далекохонько,
Я слеталъ бы на свою сторону,
Ужь я сѣлъ бы на широкій на свой дворъ,
Поглядѣлъ бы, посмотрѣлъ бы я
Что на на свой-ли на высокъ на теремъ:
Какъ въ томъ-то терему стоятъ три стола,
За первымъ-то за столикомъ родной батюшка сидитъ,

За другимъ за столикомъ родна матушка,
За третьимъ за столикомъ молода жена
Со малыми-то со дѣтушками.
Ужь вы, дѣти мои, дѣти сирыя!
Еще нѣтъ-то у васъ родна батюшки!

3.

Какъ за рѣченькой,
За Кубанушкой,
Тутъ ходилъ, гулялъ
Молодой казакъ,
Молодой казакъ
Съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ, гулялъ,
Тамъ коня спасалъ.
Острой шашечкой
Огня вырубалъ,
Суху травыньку рвалъ,
На огонь ее клалъ,
Пораскладывалъ.
Своѣ ранушки тяжелыя
Перевязывалъ.
— „Ужь вы раны, мои раны,

„Вы тяжелыя,
„Тяжелымъ-то, тяжелы,
„Кровью изошли!“
Передъ смертью казакъ
Сталъ приказывать,
Вороному коню
Онъ наказывать:
— „Ужь ты, конь ли, мой конь,
„Ты воро́ный конь,
„Обломи-ка, обломи,
„Ты дубовый сукъ,
„Оборви-ка, оборви,
„Ты шелко́въ поводъ,
„Ты поди-ка, мой конь,
„Ты поди домой,
„Скажи батюшкѣ
„Низко́й поклонъ,
„Скажи матушкѣ
„Вплоть до́-земи,
„Малымъ дѣтушкамъ
„Благословеньице,
„Молодой женѣ
„Челобитьице,

„Челобитьице
„Приказаньице,
„Хошь замужъ идетъ,
„Хошь вдовой сидитъ!
„Да скажи ты ей,
„Мой вороный конь,
„Что женился я
„На другой женѣ,
„Насъ сосватала
„Сабля острая,
„Положила спать
„Калена стрѣла!“

4.

Какъ за рѣченькою
За Кубаночкою,
Тамъ казакъ гулялъ,
Онъ коня спасалъ,
Острой шашечкою
Огонекъ высѣкалъ,
Суху травыньку рвалъ,
На огонь ее клалъ,
Клалъ, раскладывалъ;

Свои ранушки
Перевязывалъ.
Ужь вы, раны ль мои,
Вы тяжелыя,
Тяжелымъ-то вы тяжелы —
Къ сердцу кровью сошли!
Ужь ты, конь ли мой, конь,
Конь вороненькой!
Обломи-ка ты, конь,
Колъ дубовенькой,
Оборви-ка ты, конь,
Поводокъ шелковенькой,
Ты бѣги-ка, мой конь,
Развороненькой,
По дорожкѣ вдоль,
Ты на тихой Донъ,
Что на тихой Донъ —
Къ отцу, къ матери въ домъ:
Родной батюшка тебя
Выдетъ встрѣтити,
Родна матушка
Будетъ принимать,
Молодая-то жена

Будетъ выспрашивать:
„Ужь ты, конь ли, конь,
„Развороненькой,
„Гдѣ хозяинъ-атъ твой
„Размолоденькой “
— Мой хозяинъ-атъ
Въ полѣ женится,
Онъ беретъ-то, беретъ
Молодую жену,
Молодую жену —
Мать сыру землю,
А въ приданое беретъ
Зелены луга,
А въ зголовьице кладетъ
Бѣлъ горючъ камень,
Покрывается
Темной ноченькой.

5.

У отца было
У матери
Три сына любимыихъ.
Отецъ съ матерью

Всю ночь не спятъ,
Всю ночь не спятъ,
За столомъ сидятъ,
За столомъ сидятъ,
Думу думаютъ:
— „Намъ котораго сына
Въ солдаты отдать?
Большаго-то отдать,
Дѣтей много;
Средняго отдать,
Жена хороша,
Жена хороша,
Больно услужлива.
Ужь отдать ли, нѣтъ ли
Сына малаго,
Сына малаго,
Не женатаго.“
А меньшой - отъ сынъ
Расплакался,
Отцу съ матерью
Разжаловался:
„Государь ты мой,
Родной батюшка,

Государыня,
Моя матушка!
Или я вамъ
Не тотъ же сынъ?
Или я вамъ
Не кормилецъ былъ?
— Ужь, вы дѣти
Мои милыя!
Ужь вы всѣ-то мнѣ
Милехоньки,
Милехоньки
И больнехоньки!
Вы возьмите-ка
По ножичку,
Ужь вы срѣжьте-ка
По прутику;
Сами сдѣлайте
По жеребью,
И метните-ка
По жеребью,
Что которому
Достанется. —
Доставалося

Большому брату.
Большой братъ
Расплакался,
Передъ батюшкой съ матушкой
Стоючи.
— „Государь ты мой,
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Не покиньте мою
Молоду жену,
Молодую жену,
Малыхъ дѣтушекъ!

У Якушкина, стр. 99.

6.

Ужь вы вѣтры мои, вѣтерочки,
Ваши тонки голосочки!
Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки,
Не шатайте, вѣтры, въ бору сосну!
Во бору ли сосенкѣ стоять тошно,
Стоять тошно сосенкѣ, невозможно:
Не водой ли сосенку подмываетъ,

Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ,
Злы кореньица подъѣдаетъ.
Посередь-то сосенки пчелы вьются,
Пчелы вьются, пчелушки не привьются.
Какъ у Ванюшки кудри вьются, не завьются,
Какъ у Любушки слезы льются, льются—не уймутся.
„Ты скажи-ка, Любушка, о чемъ плачешь?
„Ты скажи-ка, Любушка, съ кѣмъ гуляешь?
„Или съ братьями, или ты съ сестрами,
„Или съ прежними со друзьями?
— „Ужь и есть у меня печаль-горе,
„Отдаютъ дружка въ солдаты!“

7.

Какъ вечоръ-то моя головушка
Пила — погуляла;
Вечоръ добрый молодецъ
Поздно загулялся,
У чужихъ воротъ я, дѣтинушка,
Долго застоялся;
На свою Любу, сударушку,
Заглядѣлся.
И вечоръ-то меня, молодца,

У ней поимали,
Въ желѣзушки, разудалаго,
Заковали.
Повели меня, дѣтинушку,
Въ солдатску пріемну,
И поставили меня
Въ казенную мѣру.
Въ казенную мѣру я, удалъ молодецъ,
Вышелъ.
Начали дѣтинушку
Брити-нежалѣти,
Раскидали мои кудерушки
По всей по пріемной.
Соберу-то я свои кудерушки
Всѣ до волосочка;
Заверну я свои русыя
Въ гербову бумагу,
И пошлю я ихъ
На родну сторонку —
Къ сударынѣ матушкѣ,
Къ батюшкѣ родному,
Къ своей молодой женѣ,
Къ малымъ дѣтямъ.

У Якушкина, стр. 101.

8.

Гулялъ Ванюшка недѣльку, гулялъ-гулялъ Ваня двѣ;
Въ томъ гуляньицѣ веселья Ваня не нашелъ,
Сударушку-разлапушку до худой славы довелъ.
Не за то ли Ванюшку-дружечка во солдаты отдаютъ.
Испрошелъ же Ванюшка-дружечекъ всѣ губерни-города,
Не нашелъ онъ, Ванюшка-дружечекъ, супротивъ солдатскаго хуже житья.
Какъ солдатское житье да разнесчастно—ни въ чемъ счастья судьба не дала:
Ни въ батюшкѣ, ни въ матушкѣ, ни въ молоденькой шельмѣ-женѣ.
Какъ молоденька шельма-жена за гульбой она пошла,
Своихъ маленькихъ ребятокъ по пріёмышамъ она раздала,
По тетушкамъ, по дядюшкамъ, по всѣмъ сродникамъ своимъ.

Зап. въ Николаевскѣ, Сам. губ.

*

9.

Какъ со вечера ночи-то поютъ,
Со полуночи дружка куютъ,
Куютъ дружка во желѣзушки,
Везутъ дружка во солдатушки,
Во молоденьки некрутики.
Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Мимо ельничку-березничку,
Мимо частаго орѣшничку,
Пролегала тутъ дороженька,
Дороженька не широкая,
Не широкая, не торная,
Не торная, не набойная.
Да никто по ней не хаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ.
Только шли-прошли извощички,
Извощички не тяжелые,
Не тяжелы-нагруженные,
Съ солдатскою амуниціей.
Напередъ идутъ охотнички,
Позади идутъ невольнички.

Охотнички пѣсни взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
„Сторона-ль, наша сторонушка,
Ты, знамая и знакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка — красна дѣвушка.„

10.

Шириной ты, дорожка,
Не такъ широка;
Долинóй ты, дорожка,
Конца-краю нѣтъ;
Что никто по тебѣ
Не прохаживалъ;
Никто слѣду
Не прокладывалъ.
Только гнали по тебѣ
Табунъ коней,
Табунъ-то коней
Государевыхъ,
Государевыхъ коней —

Крѣпко раненыхъ.
Напередъ-то бѣжитъ
Сивъ-чубарый конь,
На конѣ-то сидитъ
Младъ полковничекъ.
„Ужь и что-жь ты, конь,
Не веселъ идешь?
Ты лугами, конь, идешь, —
И травы не рвешь,
Озерами, конь, идешь —
И воды не пьешь!
Али я на тебѣ
Тяжелъ сижу?“
— „Мнѣ не тяжела твоя
Сбруя ратная;
Тяжела мнѣ твоя
Служба царская!
Какъ за утра мнѣ коню
Быть убитому,
Тебѣ, доброму молодцу,
Крѣпко-ранену!...“
Какъ и сталъ молодецъ
Въ грѣхахъ каяться:

„Какъ и первый мой грѣхъ —
Отца-мать бранилъ,
Какъ второй мой грѣхъ —
Я сноху любилъ!..,

У Костомарова, стр. 42, № 7.

11.

Стлала, стлала дѣвченочка
Мягкую постелю,
Клала, клала дѣвченочка
Высоко зголовье,
Ждала, ждала дѣвченочка
Полковничка въ гости,
Пала, пала ко мнѣ вѣстка
По утру раненько,
Померъ, померъ нашъ полковникъ
Своей скорой смертью.
Остается полковница
Вдовой молодою;
Остаются малы дѣти
Горькія сирòты.
Первой роты мушкатеры
Могилушку роютъ,

Землю роютъ, въ трубы трубятъ,
Вѣчный домъ готовятъ.
Молодая полковница
Стоитъ слезно плачетъ;
Во слезахъ-то полковница
Рѣчи говорила:
— „Чтобы эту дороженьку
Пылью заносило,
Чтобы эта могилушка
Травой заростала,
Что травою муравою —
Алыми цвѣтами!“

Ставр. уѣз., въ с. Хрящевкѣ.
У Костомарова, стр. 43. № 10.

12.

Не бѣла заря занималася,
Не красное солнце закаталося;
Выходила, выступала сила войская,
Сила войская царя бѣлаго,
Государя Петра перваго.
Напередъ идутъ съ знаменами,
Позади идутъ съ барабанами;

Въ барабаны-то пробили по-весёлому,
Намъ указы прочитали по-печальному:
Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался — генералъ померъ.
Самого-то генерала на рукахъ несутъ,
Генеральнаго коня въ поводу ведутъ,
Молодую генеральшу шестерной везутъ.
Молодая-то генеральша слезно плачетъ.

13.

У насъ по улицѣ,
У насъ по широкой,
У насъ по муравѣ,
У насъ по зеленой,
Дорожка лежитъ,
Воронъ конь бѣжитъ,
Копыты гудутъ.
Капитанъ ѣдетъ
Съ капитаншею,
Генералъ ѣдетъ
Съ генеральшею.
Все везутъ вѣсти
Да нерадостны,

Нерадостныя,
Невеселыя:
Какъ и старыхъ бабъ
На барабаны драть,
А молодушекъ
На линію гнать,
Красныхъ дѣвушекъ
Замужъ отдавать
За молодыхъ солдатъ,
За рекрутиковъ.
Красныя дѣвушки
Испужалися,
За старыхъ мужьевъ
Разбѣжалися.
А посля того
Вспохватнулися,
Вспохватнулися,
Обманулися.
Нужъ кабы мы — дѣвки —
Знали-вѣдали,
За старыхъ мужьевъ
Мы-бъ не бѣгали.
Мы пошли-бъ за-мужъ

За молодыхъ солдатъ,
За рекрутиковъ
За молоденькихъ, за хорошенькихъ.

14.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Подымалась туча-громъ, (2)
Со частымъ мелкимъ дождемъ;
Какъ со евтаго дождя
Стала улица грязна, (2)
Пройти молодцу нельзя.
По улицѣ мостовой
Шелъ фицерикъ молодой;
Онъ и шпорами гремитъ,
На высокъ теремъ глядитъ;
Съ окошечкомъ поравнялся,
Черну тляпу скидавалъ, (2)
Честь дѣвицѣ отдавалъ.
А дѣвица догадалась,
За водицею бросалась:
Гдѣ вы, ведра, коромысло?
Гдѣ мой шалевый платокъ? (2)
Прошелъ миленькій дружокъ.

Она хату затопила,
Сама по воду пошла.
У крутаго бережка
Гуси сѣрые сидятъ, (2)
Воду свѣжую мутятъ.
Долго дѣвица стояла,
Воды свѣжія ждала,
Не могла того дождаться —
Водѣ свѣжей устояться;
Размахнула, почерпнула,
На плечики подняла,
Зашаталася пошла,
На круту гору взошла,
Солучилася бѣда —
Расплескалася вода;
Загорѣлась слобода,
Пріѣзжали господа,
Собирались, дивовались,
Что за эдакой пожаръ,
Что за эдакой пожаръ,
За пожарище такой?

Варіантъ:

. . . . . .

А дѣвица догадалась,
За водицей собиралась:
Взяла ведры, коромысъ,
Пошла по́-воду на нихъ,
Пошла по́-воду, воду,
На Неву—быстру рѣку.
На Невѣ быстрой рѣкѣ
Гуси сѣрые сидятъ,
Гуси сѣрые сидятъ,
Воду свѣжую мутятъ.
Размахнулась, почерпнула,
На плечики подняла,
На плечики подняла,
Поматнулася пошла.
Близъ гостиннаго двора
Солучилася бѣда:
Какъ не сто рублей пропало
И не тысяча....

За тѣмъ окончаніе тоже самое, что въ пѣснѣ:

Какъ подъ яблонью такой,
Подъ кудрявой зеленой....

Очевидно, что стихъ этой пѣсни: „Солучилася бѣда“ напомнилъ пѣвцу другой мотивъ, и онъ сталъ продолжать его, не обращая вниманія на то, что онъ соединилъ такимъ образомъ двѣ разныя пѣсни. Примѣры такого соединенія различныхъ мотивовъ разныхъ эпохъ и разнаго склада, часто по какому-нибудь случайному сближенію, очень нерѣдки.

15.

Ужь вы молодцы уланы,
У васъ кони-то буланы,
Гдѣ вы жили, поживали?
Подъ Можаемъ воевали,
Питеръ, Москву проѣзжали,
Ко вдовынькѣ заѣзжали;
Пусти вдова, ночевать,
Ночевать, постоять!
У меня дворъ не стоялый,
Моя горенка тѣсненька,

Васъ, солдатушекъ, маленько!
Мечись, воры, чрезъ заборы!
На дворъ воры ворвалися,
Во горенку забралися,
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ,
Говорилъ ей самъ хозяинъ:
Скажи, вдова молодая,
Скажи, много-ль у те хлѣба?
У меня хлѣба осьмина,
Золотой казны полтина,
Скажи, вдова молодая,
Еще много-ль у те дѣтокъ?
Два сыночка, третья дочка.
На рукѣ у те колечко,
Завяжи вдова колечко,
Завяжи ты во платочекъ,
У платочка узелочекъ.

У Якушкина, стр. 105—106.

Немногая изъ пѣсенъ, въ которыхъ выражается отношеніе солдата къ крестьянину въ его деревенской жизни. У Костомарова другое окончаніе

сообщаетъ пѣсни совершенно иной характеръ, стр. 32.

16.

Ты, Россія, ты, Россія,
Свято-русская земля!
Много славы, много чести,
Много горя ты снесла!
Платовъ казакъ генералъ
По всей арміи гулялъ, *)
Всѣмъ указы, всѣмъ приказы,
Всѣмъ маршруты отдавалъ,
Всѣмъ приказы раздавалъ;
Къ Францу въ гости заѣзжалъ:
Французъ его не узналъ,
За бѣлы руки прималъ;
За бѣлы руки прималъ,
За дубовый столъ сажалъ;
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подавалъ;
На подносѣ подавалъ

*) Онъ по Франціи гулялъ.... Вар.

И купчишкой называлъ:
„Ты, купчища, ты, купчина,
„Ты, купеческій сынокъ!
„Выпей рюмку, выпей двѣ,
„Скажи правду всее мнѣ,
„Скажи правду всеё мнѣ
„Про Платова казака! *)
„Кто бы это мнѣ сказалъ,
„Казны-денегъ много-бъ далъ". —
— „Ну, на что казну терять?
„Его такъ можно узнать.
„Ты садись противъ меня,
„Ты гляди все на меня:
„Платовъ точно какъ и я". —
Ужь французъ тутъ догадался:
Платовъ скоро убирался,
По частымъ ступнямъ бѣжалъ,
Все записочки бросалъ,
На крылечко выходилъ,

*) Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Всѣхъ купцовъ и судьевъ зналъ,
Одного только не зналъ
Я Платова казака.... Вар.

Громкимъ голосомъ кричалъ:
„Вы, казаки, вы, казаки,
„Вы, казачечьки мои!
„Вы подите, приведите
„Моего добра коня,
„Вы подите, приведите
„Со конюшняго двора“!
На коня Платовъ садился,
Точно соколъ возвился. *)
Ты, ворона, ты, ворона,
Загумённая карга,
Не съумѣла ты, ворона,
Ясна сокола ловить,
Ловить ясна сокола,
Что Платова казака,
Что Платова казака,
Платовъ самъ былъ у тебя.

---

*) Французъ скоро догадался,
Приказалъ коня сѣдлать;
Платовъ скоро догадался,
Приказалъ коня подать.
Онъ садился на коня,
Самъ посмѣивался.
«Ты, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга!....» Вар.

Другой текстъ этой пѣсни, также записанный въ Самарской губерніи, безъ всякихъ значительныхъ отмѣнъ, только немного короче. Ср. въ сборникѣ Костомарова, стр. 15 № 1.

17.

Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ горевать!
Лучше будемъ веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ,
Запоемъ мы съ горя пѣсню
Про солдатское житье,
Какъ мы жили — веселились
За Дунаемъ за рѣкой.
Дунай рѣчка не широ́ка,
Перевоза на ней нѣтъ.
Мы на это не смотрѣли,
Вели плѣнныхъ за собой.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли;
Государь явился къ намъ,
Передъ нами разъѣзжаетъ:
„Вы здорово, мои дѣти,
Здравствуй, храбры егеря!

*

Вы скажите, мои дѣти;
Про походы про свои!“
Мы походы проходили
Подъ Аршавой городкомъ,
Кровь горячу проливали
Подъ Аршавой на штыкахъ.

18.

Что въ чистомъ полѣ за копоть,
За великіе туманы?
Гдѣ-то мой милой гуляетъ,
Не со мною, со другою,
Съ офицерской женою?
Нашъ капитанъ собирается,
Собирается, снаряжается,
Куницами, лисицами изнавѣшался;
Чернымъ соболемъ подпоясался!
Самоцвѣтнаго каменья полну пазуху наклалъ,
А каленыя стрѣлы по лугамъ разстрѣлялъ,
Самоцвѣтные каменья краснымъ дѣвкамъ раздавалъ.
„Ужь, вы, дѣвушки, любовушки, любите меня,
„Станете любить, стану чаще ходить,
„Стану чаще ходить, стану больше носить.

„Когда рубль, когда два, когда пять-шесть вдругъ,
„Полтинушки не случилось, не прогнѣвайся за то,
„Не прогнѣвайся за то, не стыди мое лицо!“

19.

У маіора полковаго двѣ дочки хорóши,
Охотницы его дочки гулять до полночи.
До полуночи гуляли, домой пріѣзжали,
Шубки-юбки скидавáли, кафтаны вздѣвали,
На конюшный дворъ ходили, коней заложили.
Поѣхали его дочки къ енаралу въ гости;
Енерала дома нѣту, одинъ младъ полковникъ.
Выходилъ душа полковникъ на красно крылечко,
Выносилъ душа полковникъ вина зеленáго,
Подносилъ душа полковникъ меньшой сестрицѣ.
А большая-то сестрица меньшу унимала:
„Ты не пей, душа сестрица, вина зеленаго,
„Не пропей, душа сестрица, ума молодаго!“

Зап. въ Самарѣ.

20.

Какъ и по мосту, мосточку,
По калинову мосточку,
Тутъ и шли-прошли солдаты,
Солдатушки молодые,
Офицеры полковые,
Несли въ рукахъ фонаречки,
Въ фонаречкахъ уголечки.
Подымались вѣтерочки,
Раздували уголечки;
Выпалъ, выпалъ уголечекъ
Подъ калиновый мосточекъ.
Калинъ-мостикъ загорѣлся,
Солдатушки испугались,
По квартирамъ разбѣжались,
На квартирѣ солдатъ Яшка,
А хозяинъ-то Ивашка.
У Ивашки дочь Наташка,
Ложилася спать на лавку,
На лавочку возлѣ пода,
Возлѣ самаго прихода.
Кто ни придетъ, ни пріѣдетъ,

Одполомъ одѣваетъ;
По три мыла измываетъ,
По четыре грошевыя,
По три юбки надѣваетъ,
По четыре душегрѣйки.

Бузул. у. с. Савинки, изъ Вор. г.

21.

Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А и кто безъ меня
Были гости у тебя?
„Были генералъ смоленскій,
Да маіоръ преображенскій,
Да поручикъ-голубчикъ былъ семеновскій уланъ.“
Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А что безъ меня
Пили гости у тебя?
„Генералъ пилъ водочку,
А маіоръ — вишневочку,
А поручикъ-голубчикъ пилъ наливочку со мной.“

Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А что безъ меня
Ѣли гости у тебя?
„Генералъ ѣлъ курочку,
А маіоръ ѣлъ уточку,
А поручикъ - голубчикъ кушалъ рябчика со мной.“
Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А кого безъ меня
Гости любятъ у тебя?
„Генералъ любитъ горнишну,
А маіоръ любитъ нянюшку,
А поручикъ-голубчикъ меня, молоду.“

22.

„А Ванюшка, мой батюшка,
Куда тебя снаряжаютъ?“
— А мамынька, въ солдаты,
Сударыня, въ солдаты,
Не тронь, въ солдаты,
Не замай, въ солдаты,
Что же дѣлать, въ солдаты.—

„А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь въ солдатахъ дѣлать?“
— А мамынька, учиться....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь ѣсть-то?“
— А мамынька, сухари....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Сухари-то жестки.“
— А мамынька, размочу....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Что еще тамъ дѣлать?“
— А мамынька, отдыхать....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Съ кѣмъ же отдыхать-то?“
— А мамынька, съ женою....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Гдѣ жену-то возьмешь?“
— А мамынька, украду....
„А Ванюшка, мой батюшка,
Она убѣжитъ?“
— А мамынька, догоню,
Сударыня, догоню,
Не тронь, догоню,

Не замай, догоню,
Что же дѣлать, догоню.

Припѣвъ постоянно одинъ и тотъ же.

Записано въ Николаевскѣ.

ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

Приволжскія степи издавна были у насъ классическимъ мѣстомъ удальства и разбоевъ, точно такъ же какъ и самая Волга. Здѣсь слагались пѣсни про удалую жизнь; здѣсь онѣ пѣлись и поются еще и теперь. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ — одинъ изъ самыхъ поэтическихъ: въ нихъ жизнь уже не стѣсняется узкими отношеніями семьи, бѣдной обстановкой нашего домашняго быта и, наконецъ, скудной природой суроваго края, который представляетъ плоскую, однообразную равнину и надъ нею сѣрое безъ просвѣту небо. Тутъ другая и жизнь, и природа: жизнь вольная, широкая, полная тревоги и борьбы; природа, кажется,

таже, но какъ будто оживленная иной мыслію, инымъ свѣтомъ. Тутъ передъ вами рисуется море, на которомъ „стояли разбойнички семь годовъ;“ степь, по которой „шумятъ вѣтры буйные, свистятъ въ уши молодцу про его разбои;“ или зеленая дуброва, которая шумитъ, мѣшаетъ «доброму молодцу думу думати,“ думу думать о томъ,

„Какъ заутра доброму молодцу въ допросъ идти,
Передъ грознаго судью — самого царя.“

Тутъ наконецъ земляная тюрьма, и изъ той тюрьмы

„Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью;
Идетъ молодецъ да самъ не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русыя кудерки не шелохнутся...“
....„И отрубятъ ему буйну голову,
Что по самыя могучи плеча....„
„И схоронятъ его промежъ трехъ дорогъ:
Между тульской, между курской, промежъ питерской...“

1.

На Подолѣ жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Какъ сынки взросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ,
Какъ и третья дочь заблудилася;
Заблудилась она, на огонь нашла.
У огня сидятъ разбойнички.
Говоритъ одинъ: „мы сведемъ ее.“
Говоритъ другой: „мы убьемъ ее.“
Говоритъ третій: „мы распросимъ ее.
Ты скажи-ка намъ, ужь ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?“ —
— „А я роду изъ Подолу, жила вдовы,
„А у ней было три сына, три дочери:
„Какъ сынки взросли, на разбой пошли;
„Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
„Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды:
„Какъ одна-то дочь утонула,

„А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ,
„А я — третья дочь — заблудилася,
„Заблудилася — на огонь нашла„... —
„Ты, сестра наша, ты, родимая!
Мы — твои братья, братья рòдные!..“

Этотъ старинный мотивъ извѣстенъ и въ Саратовской губерніи; но тамъ онъ поется нѣсколько иначе. Прилагаю два варіанта, доставленные мнѣ г. Карлинымъ изъ Саратова; они нигдѣ не напечатаны и заслуживаютъ полнаго вниманія любителей народной поэзіи.

2.

Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Десятая дочь Варварушка.
Какъ семь-то сыновъ — на разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ — онъ царю служить,
А девятый сынъ — родну мать кормить;
А Варварушку замужъ выдали,
За того-ли за мужъ — за Морянушку.
А мы годъ живемъ
А мы два живемъ;
На третьемъ годку стосковалися,

Ко родимой матушкѣ собиралися.
А мы день ѣхали,
А мы два ѣхали;
На третій денекъ
Притомилися,
Во чистомъ полѣ
Становилися;
А мы кашу варили,
Малаго дитю кормили.
Налетали тутъ черны вороны,
Черны вороны — все разбойнички...
— „Ты скажи, скажи, молодка,
Чья, откуда ты така?
Иль ты царская, иль боярская,
Иль попова дочь, иль купеческа?“
— „Я не царская, не боярская,
А я бѣдная дочь сиротская!
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Да десятая я, несчастная!
Какъ семь-то сыновъ—на разбой пошли...“
— „Такъ мы зятюшку позарѣзали,
Мы племянничка въ воду бросили,
Мы родну сестру во полонъ взяли!..

3,

Во городѣ
Во Кіевѣ —
Жила вдова
Богатая.
У вдовыньки
Было девять сыновъ,
Десятая
Дочка Аннушка.
Какъ семь-то сыновъ
На разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ
Ко царю служить,
Какъ девятый сынъ
Родну мать кормить.
Дочку Аннушку
Замужъ выдали,
За заѣзжаго,
За Морянина.
Она годъ живетъ;
Она два живетъ,
Ей на третій годъ

Богъ сынка даетъ.
Стосковалася
Наша Аннушка,
Собиралася
Къ родной матушкѣ.
Они день ѣдутъ,
Они два ѣдутъ,
На третій день
Становилися,
Они кашу варили,
Дитю кормили.
Налетаютъ тутъ
Черны вороны,
Черны вороны —
Разбойнички;
И Морянина
Позарѣзали,
Сына малова
Въ воду бросили,
Они Аннушку
Во полонъ взяли;
А взямши въ полонъ,
Стали спрашивать,

Стали спрашивать,
Приговаривать:
— „Ты не плачь, не плачь,
Боярыня,
Не утай, скажи,
Чья, откудова?
Ужь какого ты —
Рода-племени?“ —
— „Какъ во городѣ,
Во Кіевѣ,
Жила вдова
Богатая.
У той вдовы
Было девять сыновъ,
Десятая —
Я, несчастная!
Какъ семь-то сыновъ
На разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ
Ко царю служить,
А девятый сынъ —
Родну мать кормить;
Меня выдали —

За Морянина!
— „Мы не барина
Позарѣзали,
А мы зятюшкѣ
Сняли голову!...
Мы не барченка
Въ воду бросили,
А племянничка
Родимаго!...
Намъ не барыня
Въ полюбовницы
На посмѣшище
Попадалася,
А родна сестра
На великій грѣхъ, —
На несчастьице
Доставалася!...“

4.

Государь ты, милый батюшка,
Государыня, мила матушка, —
Вы съумѣли меня воспоить, воскормить,
Не съумѣли замужъ выдати!

*

Отдали меня вы замужъ за-вора,
За такого вора, за разбойничка:
Мужъ со вечера сталъ коня сѣдлать,
Ко полуночи со двора съѣзжать,
Молодой женѣ сталъ наказывать:
„Ты не спи, жена, не гаси огня,
Какъ лучины нѣтъ, ты огарки жги,
Меня молодца со разбою жди.“
У шабрёнушковъ кочета поютъ,
У молодушковъ все мужья встаютъ,
А мово мужа со разбою нѣтъ.
Подаетъ голосокъ чрезъ темной лѣсокъ:
— „Молода жена, ты встрѣчай меня,
Принимай коня припоченаго,
Меня, молодца, притомленаго!
Узнавай-ко, жена, чей вороный конь,
Узнавай-ко, жена, чья лисья шуба?“
— Развороный конь — мово батюшки,
А лисья шуба моей матушки....
....Я боюсь тебя!.... Ты убьешь меня!....

У Костомарова, стр. 28.

Подобная пѣсня есть и въ Малороссіи.

5.

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали судна-корабли — армянски, татарски и купечески;
Они думали-гадали думу крѣпкую заеданую:
— „Кому у насъ, ребята, атаману быть?“ —
— Атаману быть Ивану Тимоѳѣеву,
Эсаулу быть Никитушкѣ Васильеву. —
— „Какъ-то намъ, ребятушки, города пройти?“ —
— Астрахань-то, славну-мати, — пройдемъ съ вечера,
Царицынъ городочекъ во глуху полночь,
Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
А Самарѣ городишкѣ не поклонимся,
Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
Колышки вколотимъ кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведемъ подъ руки,
Эсаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.

Въ варіантѣ, напечатанномъ г. Костомаровымъ, эта пѣсня относится къ Стенькѣ Разину:

„Атаманомъ быть Степану Тимоѳѣичу.“

Въ Саратовскомъ краѣ больше помнятъ и Пугачева, и Стеньку Разина, нежели въ Самарѣ, а поставить Ивана вмѣсто Степана было очень легко по созвучію самыхъ именъ.

У Костомарова, 9 — 10 стр.

7.

Изъ-за ерика, изъ-за камскаго
Выплывали тутъ два судёнушка,
Два судёнушка, — третья лодочка.
Хорошо-то лодочка изукрашена,
Саблями, ружьями лодка изувѣшена,
Молодцами лодка изусажена,
Молодцами-гребцами, все разбойничками.
На носу стоитъ — атаманъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ — эсаулъ съ весломъ.
Посерѣдь лодки шелковой коверъ,
На коврѣ сидитъ — красна дѣвушка,
Сестра родная — эсаулушки.
Полюбовница — атаманушки.
Стала дѣвушка спать ложитися,
Встала дѣвушка по утру рано,
Она, вставши рано, слово молвила:

„Не хорошъ-то мнѣ, дѣвушки, сонъ привидѣлся:
Атаманушкѣ быть убитому,
Эсаулушкѣ быть повѣшену,
А мнѣ — дѣвушкѣ быть на волюшкѣ!“

У Якушкина, стр. 123, съ такимъ началомъ:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ...
Какъ повыше-то было села Юркина...
Что плыла косна лодочка...

У него же 125. Орл. губ.
У Костомарова, стр. 34.

8.

Внизъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижня города
Снаряженъ стружекъ, какъ стрѣла, летитъ;
Какъ на тѣмъ стружкѣ сорокъ два гребца,
Сорокъ два гребца — добры молодцы.
Они всѣ сидятъ развеселые;
Какъ одинъ изъ нихъ призадумался,
Призадумался, припечалился
Отъ бѣла лица красной дѣвицы:

„Ужь вы, братцы мои, вы, товарищи!
„Вы возьмите саблю вострую,
„Отрубите буйну голову,
„Вы пустите ее въ быстру Воложку!“

9.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Какъ скакалъ да скакалъ одинъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ молодцемъ
Вѣтры полевые;
Ужь свистятъ да свистятъ въ уши, разудалому,
Про его разбои.
А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры стражевые;
Ужь слѣдятъ да слѣдятъ молодца-разбойничка
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны палаты.

Сам. губ. вѣдомости 1860 г. № 27.

Ср. текстъ въ ст. г. Григорьева о русскихъ нар. пѣсняхъ. О. З. 1860. № VI. стр. 470.

10.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
Каменнòй Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мóлодца,
Ведутъ мóлодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ мòлодецъ да самъ не кàчнется,
Его буйная головушкà не тряхнется,
Его русыя кудерки не шелòхнутся.
Во рукахъ-то онъ несетъ да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.
Какъ на встрѣчу ему да православный царь.
Еще сталъ государь его распрашивать:
„Ты скажи-ко, скажи мнѣ, добрый мóлодецъ,
„Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?“
— Ужь ты, батюшко да благовѣрный царь!
Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
Воровали-то твои да Донски кáзаки,
Донски кáзаки да все казаченьки;
Все казаченьки дувáнъ дуванили,
Дуванъ дуванили да казну дѣлили,
Казну дѣлили, да казну-денежки.

Ужь какъ я ли, молодецъ; при томъ случьѣ былъ,
При томъ случьѣ былъ да все паю просилъ;
Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не дали....
Всѣ казаченьки да испугалися,
По низкимъ мѣстамъ да разбѣжалися,
По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ;
Одному-то мнѣ казна досталася....“

Ср. пѣсни о правежѣ, помѣщенныя въ Из. 2 Отд. Академіи. (Пам. и обр. л. VI стр. 92 и л. XX стр. 308—310).

11.

Ужь ты, вёснушка, наша весна!
Ты не въ радости, весна, прошла,
Не въ радости, весна, не въ честѣ,
Во великой-большой сухотѣ.
Ужь ты, садъ ли, мой садокъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отъ чего ты, садикъ, весь посохъ?
Въ саду Ва̀нюшка-Ваня гулялъ,
Всеё травыньку Ваня примялъ,
Алы цвѣтики всѣ Ваня перервалъ, *)

*) Красну дѣвицу терялъ (т. е. губилъ) Сар. вар.

Во тюрьму Ваня попалъ,
Во тюремушкѣ Ваня сидѣлъ,
Самъ въ окошечко глядѣлъ,
На добра коня смотрѣлъ,
Съ конемъ рѣчи говорилъ:
„Ужь ты, конь ли, мой конёкъ,
Конь—добра́ лошадь моя!
Что не вывезешь меня
Съ бѣлой каменной тюрьмы?“

Бузул. уѣз., с. Грачевка.

Ср. въ Сарат. сборникѣ, стр. 29—30 № 17; въ этомъ саратовскомъ текстѣ, повидимому, соединены двѣ пѣсни.

12.

Добры мо́лодцы всѣ на волюшкѣ живутъ,
Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ сидитъ,
Въ каменной, Ваня, государевой Москвѣ,
Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
За желѣзными дверями,
За висячими замками.
За утра́ Ваню къ наказаньицу ведутъ,
Къ наказаньицу ко ременному кнуту,

Къ столбу крашеному, дубовому.
По праву руку отецъ съ матерью идутъ,
По лѣву руку молода жена съ дѣтьми,
Молода жена съ дѣтьми малыми,
Позади его православный весь народъ.
Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
„Ты сними съ меня шелковóй поясъ,
„Съ позолоченьими на немъ ключиками.
„Отопри, жена, оковáнъ сундукъ,
„Ужь ты вынь оттоль золотой казны,
„Ты дари, жена, молодаго палача,
„Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!“

13.

Какъ подъ яблоней такой,
Подъ кудрявой, зелѐной,
Сидитъ парень молодой,
Держитъ гусли подъ полой.
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про мою.
Какъ женила молодца

Чужедал ьна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевска ярмонка.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Солучилася бѣда
Да не маленькая:
Что не сто рублей украли
И не тысячу;
Пропадала у него (?)
Дочь любимая его.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракитовымъ кустамъ.
Какъ нашли эту пропажу
У Мошкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на софѣ.
Цвѣтно платьице на Енюшкѣ
Изорваное,
Черепахова гребеночка
Изломаная,
Ея буйная головка

Вся расшибленая.
Самъ разбойничекъ сидитъ,
Да въ окошечко глядитъ,
Онъ въ окошко-то глядитъ,
Таке рѣчи говоритъ:
„Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ?
„Не меня ли въ гости звать?„

Эта пѣсня, очень извѣстная по Волгѣ, принадлежитъ XIX столѣтію: старики еще помнятъ происшествіе, о которомъ разсказывается въ ней. Не смотря на недавнее происхожденіе, въ ней, исключая немногихъ мѣстъ, удачно выдержанъ старинный народный складъ, что — большая рѣдкость въ новой пѣснѣ.

14.

Ужь какъ нынѣшніе годы
Молоды люди лукавы,
Съ-измаленька враговаты.
Какъ сказали про дѣвицу
Напраслину-небылицу,
Будто я красна дѣвица
Всю ноченьку не сипа́ла,

Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладку вишенку щипала,
На бѣлое блюдо клала,
Милу дружку подавала:
„Примай, милый, поскорѣе,
Чтобъ злы люди не видали,
Чтобъ родному не сказали!„
Родной батюшка услышалъ,
Самъ услышалъ, самъ увидѣлъ,
Засадилъ красну дѣвицу
Во темну темницу;
Какъ у той ли у темницы
Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Одна труба дымовая;
Изъ трубоньки дымокъ вьется,
У дѣвушки сердце рвется,
Сердце рвется, не уймется.

15.

Не ласточка ко мнѣ прилетѣла,
Касаточка вѣстку приносила,
Будто бы мой-то, миленькій, сидитъ въ неволѣ,
Во той тюрьмѣ въ губерскомъ острогѣ.

Въ той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Одна труба и та дымовая;
Изъ трубоньки дымокъ повѣваетъ,
У дѣвушки сердце занываетъ.
Пойду, млада, въ высоки хоромы,
Возьму, млада, ключи золотые,
Отопру, млада, ларцы кленовые,
Пойду, млада, всѣхъ судей дарить,
Судьи денегъ моихъ не принимаютъ,
Любезнаго ко мнѣ не пущаютъ.

Прекрасный варіантъ для этой пѣсни, записанный С. В. Максимовымъ въ Холмогорахъ, напечатанъ въ сборникѣ г. Якушкина, стр. 112.

Низшій родъ пѣсенъ, которымъ въ строгомъ смыслѣ нельзя дать и названія народныхъ, представляютъ намъ такъ называемыя лакейскія или фабричныя пѣсни. Это—пародіи на русскія пѣсни; онѣ напоминаютъ вамъ камердинера, который, насмотрѣвшись на барина, старается корчить его въ кругу своихъ деревенскихъ земляковъ: все въ немъ фальшиво, начиная съ барскаго галстуха и оканчивая жестомъ, звуками голоса и наконецъ лорнеткой, которую онъ старается приладить къ сво-

ему глазу. Точно тоже впечатлѣніе производитъ на васъ лакейская, или фабричная пѣсня: въ ней нѣтъ поэзіи, нѣтъ искренняго чувства; есть только наборъ словъ, иногда дикихъ и безсмысленныхъ, тоническій размѣръ и риѳма;— искреннее чувство, поэтическій образъ или меткое слово встрѣтится развѣ только случайно. Тоже мы видимъ и въ духовныхъ стихахъ, составляемыхъ въ новое время.

Такія пѣсни появились у насъ съ конца прошедшаго столѣтія; онѣ особенно распространились въ центральныхъ губерніяхъ и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя — подъ непосредственнымъ вліяніемъ новой жизни, исходитъ ли она изъ учрежденія фабрики, трактира, или изъ барской передней. Никто, конечно, не будетъ ставить это въ упрекъ новой жизни, но тѣмъ не менѣе въ глухихъ мѣстахъ гораздо крѣпче сохранилась, вмѣстѣ со всякой стариной, и старинная пѣсня. Странно было бы собирать и печатать эти уродливыя произведенія, въ которыхъ воспѣвается лакейское донъ-жуанство; но для подтвержденія моей мысли я сообщу нѣсколько пѣсенъ этого рода: первая изъ нихъ взята изъ рукописнаго сборника XVIII ст. (См. мою статью объ этомъ сборникѣ въ Библ. Запискахъ 1859 г.); остальныя записаны въ Самарѣ.

1.

Ахъ, велика мнѣ бѣда!
Говорилъ другъ безъ стыда.
Хорошая моя,
Пригожая моя!
Полюбилъ, сердце, тебя,
Изнурилъ ужь я себя.
Хорошая моя,
Пригожая моя!
Дерзнулъ смѣло объявить:
Ты изволь меня любить!
Престань, больше не гордись,
Ты въ любовь ко мнѣ склонись,
А не склонишься, мой цвѣтъ,
То не милъ мнѣ бѣлый свѣтъ.
Бѣло личико твое
Крушитъ сердце вѣдь мое.
Тихи взгляды все мутятъ,
Не могу затѣмъ отстать....
Ахъ ты, черная бровь,
Ты склонись ко мнѣ въ любовь.
Правду истинну скажу,

Что на силу ужь хожу.
Какъ не вижу я тебя,
То убилъ бы самъ себя,
Скажу: лучше ты всего
И родства моего.
Ахъ не мило мнѣ на свѣтѣ
Во зимѣ хотя и въ лѣтѣ,
Мнѣ не лѣто, не весна,
И какъ стѣнь хожу безъ сна....

2.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелёненькимъ;
На ней платье — глясе́-розовое, (бѣлѣется, вар.)
А кокеточка алѣется, (Полушалочекъ алѣется, вар.)
Во правóй рукѣ розовый цвѣтокъ,
А во лѣвой нѣмецкій вейверокъ. (еверокъ, вар.)
Вейверкомъ она помахиваетъ,
Сама съ милымъ разговариваетъ: (Съ кавалеромъ разговариваетъ, вар.)
„Изошла я всѣ губерни, города,
Не нашла я лучше, краше тебя.
Хоша есть лучше, краше тебя,

*

На моемъ сердцѣ желанія нѣтъ.
Приближаюсь близёхонько,
Раскланяюсь милёхонько.“

Варіантъ.

....Сама съ милымъ разговариваетъ.
„Ужь ты, милая, хорошая моя!
Красота неоцѣненная твоя!
Сколько я бесѣдъ произошелъ,
Лучше тебя красы не нашелъ;
Хоть и лучше я и краше нашелъ,
Въ моемъ сердцѣ желанія объ ней нѣтъ.
О тебѣ я, мила дѣвица,
О тебѣ я сокрушаюся,
Поцѣлую дожидаюся.“

У Якушкина вар. еще безобразнѣе, стр. 173 — 174.

3.

Отлетаетъ сизъ голубчикъ
Изъ моихъ ясныхъ очей.
Люди злые все смущаютъ,
Разлучить съ милымъ хотятъ.
Насъ тогда съ милымъ разлучатъ,
Когда въ гробъ меня положатъ,

Очи ясныя закроютъ,
И застынетъ въ лицѣ кровь,
Тогда кончится любовь.
Пойду въ землю, буду тлѣти,
О тебѣ, милый, жалѣти.
Велю тѣло я засыпать
Желтымъ крупнымъ пескомъ.
Ужь я подпись надпишу,
Я на мраморной доскѣ.
Я скажу своимъ подружкамъ:
Не влюбляйтеся, подружки,
Вы въ мужчинахъ ни въ кого!
Одна дѣвушка влюбилась,
Во сыру землю пошла.
Хочу милаго забыть,
Но мнѣ сердце не велитъ.
Русы кудри, лицо бѣло,
Заразили сердце мнѣ.

4.

Ты на что, мальчикъ, родился,
Вѣкъ по дѣвушкѣ страдать,
По несчастной воздыхать?

Дѣнъ веселыхъ не видалъ
Во мученьи во своемъ.
Еще что наше мученье?
Не считаютъ ни во что!
Одна дѣвушка прелестна
Уродилась, хороша!
Ровно краличка моя,
Припудрёны волоса;
Къ лицу пудри не пристали,
Молодчики любить стали.
Люблю дувушку душу,
Во гробъ сердце положу,
Самъ опять по ней вздохну.

5.

Былъ вечоръ я въ мушкератѣ;
Что я видѣлъ, вамъ скажу:
Видѣлъ дѣвицу въ нарядѣ,
Собой очень хороша.
Бѣло-тюлева сорочка
И пунцовый сарафанъ,
Браліантовы серёжки,
Золото на ней кольцо.

ШУТОЧНЫЯ И САТИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Давай-ко, хозяюшка, домикъ наживать!
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гулять!
Купили, хозяюшка, себѣ курочку.
Курочка по сѣмечку соритъ-шевырятъ.
Давай-ко, хозяюшка, домикъ наживать!
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гулять!
Купили, хозяюшка, уточку себѣ.
Уточка съ носка-плоска,
Курочка по сѣмечку соритъ-шевырятъ.
. . . . . .
Купили, хозяюшка, гусыньку себѣ.
Гусынька го-го, го-го,
Уточка съ носка плоска,

Курочка по сѣмечку соритъ-шевырятъ.

. . . . . .

Свинка-та хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка — му-му, му-му,
Индюшка — шулды-булды,
Гусынька — го-го, го-го,
Уточка — съ носка плоска,
Курочка по зернышку соритъ-шевырятъ.

2.

Ой чернецъ сукно снуетъ
Чернецъ черненуетъ;
Какъ по этимъ по суконцамъ,
Онъ съ Павломъ гуляетъ,
Павла забавляетъ.
Ой его мать кликала,
А онъ не слыхалъ.
Подыми тя, Боже,
Высоко подъ небеса,
Ой ударь тя, Боже,
Объ ометъ — объ солому,
Объ тынъ головою,
Объ заборъ бородою,

Въ горшокъ — въ сметану,
Въ кислое молочище.

3.

Ходили дѣвушки по бе́режку,
Гуляли красныя по крутому,
Садили дѣвушки ярый хмѣль:
Рости ты, хмѣлюшко, по тычинкѣ въ день!
Безъ тебя бесѣдушка не водится,
Пьяная браженька не ва́рится,
Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвицы за-мужъ нейдутъ.
Вздумала Параша за-мужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ пекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму ровно на восемь рублей:
Сталъ ей пирогъ во двѣнадцать рублей.
Думала теща семерымъ не съѣсть;
Зятюшка пришелъ, весь одинъ оплелъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Косо на зятюшку поглядываетъ:
— Какъ тебя, зятюшко, не розорвало! —
„Лучше бы ты, теща, не подчивала!

„Приходи ко мнѣ, матушка, на масляницѣ.
„Я тебѣ въ тѣ поры честь воздамъ
„Въ четыре дубины березовыя,
„Пятый кнутъ по заказу свитъ.“
Билася-рвалася, на-силу урвалась;
Бѣжала-бѣжала, на-силу ушла.
Подходитъ ко двору, кричитъ сыну своему:
— Подь-ко, погляди, еще кто это идетъ? —
„Зять у воротъ на похмѣлье зоветъ.“

У Сахарова вар. стр. 88, у Якушкина 174. Ср. у Кирши Данилова „У Спаса къ обѣднѣ звонятъ“.... 405.

4.

Я на улицѣ была,
Видила милáго,
Журилася-бранилася,
А теперь не буду;
Наживу себѣ криваго,
Любить его буду.

5.

Гуляй, гуляй, голова!
Отвѣчай, моя спина!

Коли будетъ спинѣ больно,
Любилъ дѣвушекъ довольно.

6.

Полюбила торгаша,
Нѣту денегъ ни гроша,
За то слава хороша.

7.

Отъ чего хмѣлекъ
Зарождается сперва?
Отъ матушки — отъ сырой земли,
Отъ гнилой соломины.
Кто поводится съ хмѣлечкомъ —
Тотъ и будетъ человѣкъ!
Какъ повадился дѣтинка
Во кабакъ ходить-гулять,
Во кабакъ идетъ дѣтинка —
Ровно маковъ твѣтъ твѣтетъ,
Съ кабака идетъ дѣтинка —
Ровно липенька гола,
Что гола, гола, гола,
Въ чемъ матушка родила,

Въ чемъ баушка повила!
Онъ и улицей прошелъ,
Онъ къ народу подошелъ,
Онъ къ народу подошелъ, —
Во весь голосъ закричалъ:
„А у насъ вчера, робята,
„Филимонъ ночевалъ,
„На полатяхъ спалъ,
„Семь бѣдъ сбѣдовалъ,
„Семь дѣушекъ укралъ,
„Въ кошельнице поклалъ,
„На плечище поднялъ,
„На льдище снесъ,
„По льдищу растресъ;
„Да и всѣ эти дѣвченки —
„Расползилися,
„Разъелозилися;
„А какъ старая дѣвчища
„Васильевища,
„Залѣзла въ дуплище —
„Въ осиновище,
„Калачомъ-то манили,
„Да не выманили,

„Топоромъ-то рубили,
„Да не вырубили;
„Какъ и стара старика —
„Его чортъ догадалъ,
„Дѣвкѣ кукишъ показалъ,
„Дѣвка выскочила,
„Глаза вытращила;
„Дѣвка дура, дѣвка дура —
„Пошла къ старостѣ на думу.
„— Ужь ты, дядя — староста,
„Разсуди, пожалуйста! —
„Староста уменъ, —
„Праву рученьку отвелъ,
„Дѣвку по уху оплелъ.“

8.

Молодешенька на рыночекъ ходила,
Три рученьки молодешенька купила,
Пришла домой, нà-печь положила:
Ты лежи, моя куделя, всю недѣлю!
Понедѣльникъ день бездѣльникъ, весь день пролежала,
А во вторникъ я ранешенько вставала,
Жарку банюшку, младешенька, топила,

Я во середу съ угару пролежала,
Во четвергъ-то я, младешенька, буйну голову чесала,
А по пятницамъ добры жены не прядутъ,
Во субботу по родителямъ поминки даютъ,
Воскресенье новоселье прогуляла,
Въ понедѣльникъ со похмѣльица лежала,
А во вторникъ я ранешенько вставала,
Я три ниточки тонешенько напряла,
Три мозоли преогромныхъ навертѣла.

9.

Я съ хозяиномъ расчелся,
Въ путь-дороженьку собрался;
Всю дороженьку проѣхалъ,
Объ расчетѣ тосковалъ,
Куда денежки дѣвалъ,
Всѣ на счеты просчиталъ.
Черезъ девять дёнъ въ десятый
Во деревню жить пришелъ.
Я пріѣхалъ оборва̀ный,
Всякъ смѣется надо мной.
Сталъ я правдой оправдаться,

Но въ три голоса кричатъ:
— „Невозможно тому вѣрить,
„Чтобы денегъ не нажить!
„Во Самарѣ денегъ много,
„Только даромъ не даютъ.
„Погребковъ, трактировъ много,
„Точно кормятъ на убой,
„Точно кормятъ на убой,
„Чаемъ голову хоть мой!
„Поживи-ка ты въ деревнѣ,
„Похлебай-ка сѣрыхъ щей,
„Похлебай-ка сѣрыхъ щей,
„Поломай-ка въ лѣсу лыкъ!“
Мнѣ наскучило въ деревнѣ,
Въ Петербургъ проситься сталъ.
—„Вы пустите меня въ Питеръ,
„Я не буду баловать,
„Я не буду баловать,
„Стану деньги наживать;
„Когда гривенка случится —
„Въ сундучекъ ее запру,
„А цѣлковый заведется —
„Я къ сударушкѣ снесу!“

10.

Изъ Москвы купецъ пріѣхалъ
Онъ по важнымъ дѣламъ.
Ахъ-ли, ахъ-люли,
Шелъ по невскому пришпехту,
Самъ перчаткой разсуждалъ.
Ахъ-ли, ахъ люли!
Что за дивная столица
Славный городъ Петербургъ!
Испроѣздя всю Россію,
Веселяе не нашелъ.
Тамъ трахтировъ, погребовъ
И кофейныихъ домовъ;
Тамъ такихъ красотокъ много
Будто розовый цвѣтокъ.
Привези хоть сорокъ тысячъ,
Всѣ въ недѣлю проживешь.
Если хочешь разгуляться,
Возьми денежекъ съ собой;
Если хочешь промотаться,
Возьми Лелиньку съ собой,
Леля знаетъ всѣ порядки,

Куда денежки дѣвать:
Ямщичку ли заплатить,
Аль трактирщику отдать.
А къ буфету подведетъ,
Тутъ и шляпу приберетъ.
Ты ступай, купецъ, проспись,
Поутру опять явись!
Поутру купецъ встаетъ,
Счеты въ руки онъ беретъ.
А на ту пору жена
Она къ смерти суждена.
Что ты, миленькій, не веселъ?
Али денегъ гроша нѣтъ.
Отойди ты, шельма, прочь!
Говорить съ тобой не въ мочь.
А прикащики глядятъ:
А намъ нечего зѣвать.
Что есть въ лавкѣ посходнѣй,
Прибирайте поскорѣй!
Пусту лавку на замокъ,
А хозяина въ острогъ.
Какъ посадятъ на недѣлю,
Просидитъ онъ цѣлый годъ.

Если не кому стараться,
Вмѣсто крысы пропадетъ.
Ахъ-ли ахъ люли!

Нѣсколько мѣстныхъ словъ и грамматическихъ формъ, занесенныхъ изъ разныхъ губерній.

Аллено́й — льняной, такъ точно какъ аржаной.
вечо́ръ — вчера, также вчера вечеромъ.
долина̀ — длина.
загумённый — прилаг. позади гуменъ живущій.
игрелива — охотница играть.
ко́никъ — лавка или ларь у выхода.
коса̀тъ.
косицы.
ко́четъ — пѣтухъ.
кутъ — задняя лавка.
олляно̀й, ольяно́й — тоже что аллено́й.
опричь — кромѣ.
прива̀да — приманка.
посля, опосля — послѣ.
руда̀ — кровь.
ручникъ — полотенце.
серебрика — шиповникъ.
солучиться — случиться.
спаса̀ть — пасти.
стрѣлся, стрѣнуть — встрѣтился, встрѣтилъ.
сходàтая, сходàха — сваха.
твѣтъ — цвѣтъ.
у — вм. въ, у водныхъ — въ однихъ.
уся, усѣ — вся, всѣ.
хлёсткій — хорошій, бравый.
шабёръ — сосѣдъ.
ширинка — платокъ, такое полотенце.
Всеё, тоё — всю, ту; своѣ — свои; те — тебя и тебѣ; на тѣмъ, на евтимъ — на томъ, на этомъ; по улицы — по улицѣ, у рѣкѣ — у рѣки; гуляе, подско́че, подва̀ля, соливàтъ.

———

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ. . . . . II — VII

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ:

I. Пѣсни дѣтскія.

Стран.

1. За горами-то за высокими 3
2. По горамъ, горамъ, по высокіимъ . . . 7
3. На горѣ, горѣ, да на крутой горѣ . . . —
4. Спи, усни, мое дитятко 8
5. Прилетѣли галочки 10
6. Баю, милую дитю . . . . . —
7. Баю-баюшки-баю, колотушекъ надаю . . 11
8. Ладушки-ладушки 12
9. Сорока, сорока . . . . . —
10. Ахъ, ты, радуга-дуга 15
11. Дождикъ-дождикъ, перестань . . . . —
12. Туру-туру, пастушокъ 16
13. Варіантъ къ ней 17
14. Варакушка, гдѣ была? 18
15. Овечушка ялова 19
16. А дуду-дуду-дуду 21
17. Ахъ, бей чеботы 22
18. Донъ-донъ-донъ . . . . . —

Стран.

19. Сова-ль моя совая 22
20. Варіантъ къ ней 27
21. Журавль долгоногій 29
22. Куда дороженька 30
23. Сваха, ты, сваха 31
24. Варвара-кума 32
25. Изъ-за лѣсу изъ-за горъ . . . . . —

II. Пѣсни про любовь и семейную жизнь.

1. По улицѣ по широкой 39
2. Дѣвка платье мыла 41
3. По рощицѣ Машенька гуляла 43
4. Не бѣла заря въ окошко взошла . . . 44
5. Молодчикъ, молодчикъ молодой 46
6. На песку, на камышку 48
7. Шла Машенька лѣсикомъ 49
8. Полно, полно намъ, ребята 50
9. Какъ во полѣ, полѣ, въ широкомъ раздольѣ . 51
10. Канарейка-пташечка 53
11. Со восточной со сторонушки 56
2. Какъ по лугу, по лужечку 57
13. Во саду ли, въ огородѣ 58
14. Цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики да поблекли . 59
15. Подуй, подуй, погодушка, холодненькая . . 60
16. Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ . 62
17. Казаченько молодой . . . . . —
18. Какъ по-морю, по моречку 64
19. Рѣки, быстрые протоки 66
20. Бѣленькій денекъ проходитъ, ночка наступаетъ 69
21. Изъ-за горъ-горы . . . . . —
22. Какъ на горкѣ на горѣ 71
23. Засвистали казаченьки во чистымъ полѣ . 72
24. Объ чемъ ты, Машенька, плачешь . . . 73
25. Красота ли, красота 75

Стран.

26. Гдѣ ты, голубь, вечоръ былъ 78
27. Какъ надъ рѣчкой, надъ рѣкой 80
28. Несчастненькій мальчикъ 81
29. Ой, зеленое мое виноградье 82
30. У насъ по улицѣ, у насъ по широкой . . 83
31. У воротъ дѣвка стоитъ 84
32. Ой горе, горе та, не оране поле. . . . 87
33. Да вже сосидъ жыто сіе. . . . . —
34. За Кубань иду 88
35. Диду миду дорыну 89
36. А въ сусида у Ивана 90
37. Что ты, сердце, болишь, ноешь? . . . 91

38. Какъ братъ сестру нѣжитъ 92
39. Какъ жила была вдовушка-вдова . . . 93
40. Отдаютъ меня, младу 95
41. Вдоль по улицѣ 97
42. Не сонъ мою головушку клонитъ. . . . 98
43. Какъ у баушки у Варварушки 99
44. Чужи жены — лапушки 100
45. Лучина, лучинушка березовая. 101
46. Накачалась на меня зла-лихà жена . . . 102
47. Я по бережку хожу, хожу 103
48. Вы придите, дѣвушки, ко мнѣ, подумайте обо мнѣ 105
49. Во горницѣ, во свѣтлицѣ 106
50. Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ . . —

III. Хороводныя, игральныя и обрядовыя пѣсни.

1. У воротъ, воротъ, воротъ 109
2 Ужь какъ звали молодца 112
3. Какъ у нашихъ у воротъ 115
4. По улицѣ, по улицѣ широкой 116
5. Пойду-ль я, выйду-ль 119

Стран.
6. Улица, улица, ты, широкая 120
7. Ой на горѣ калинà 121
8. Какъ по морю-морю синему 122
9. Ой, матушка, тошно мнѣ. 123
10. Летѣли двѣ птички 126
11. Я качу, качу золото кольцо 127
12. Въ саду яблонька стоитъ 128
13. Калина, малина . . . . . —
14. Ты Настасья, ты Настасья 129
15. Ты Настасья, ты Настасья 130
16. Ой во кустѣ, кустѣ во калиновомъ . . . 131
17. Ой лѣсы мои, лѣсы темные 133
18. Что было по травушкѣ по зелѐной . . . 134
19. По камешкамъ быстра рѣченька течетъ . . 136
20. Ужь я сѐлезня любила 137
21. Сѣю-вѣю лебеду на берегу 139
22. Околъ Дону, околъ Дону 140
23. Горенка, горенка новенькая. 141
24. Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ . . . —
25. Не вода подливала 143
26. Сѣли дѣвки на лужокъ 144
27. Какъ подъ бѣлою подъ березою 146
28. Ой на горѣ макъ, макъ 147
29. Что вы къ намъ нейдете 149
30. Ой Коляда, Коляда̀ 150
31. Тауси мауси . . . . . —

IV. Свадебныя пѣсни.

1. Не разливайся, мой тихій Дунай. . . . 154
2. Долина-долинушка. 155
3. Селезенюшка сизъ-косатъ 156
4. Авдотьюшка воду носитъ 157
5. На дворѣ невзгодушка, студеная зимушка . 159
6. Григорьевна матушка 160
7. Сижу я во теремѣ 161

Стран.

8. У воротъ трава растетъ 162
9. Воюнъ, воюнъ-воробей 163
10. Мимо садику зеленаго 165
11. Какъ тебѣ, перепелушка. 167
12. Зиму и лѣто сосёнушка 168
13. Кто, кто въ чести сидитъ 170
14. Какъ по сѣнюшкамъ Авдотьюшка ходила . 171
15. Кто тебѣ, Николенька, рубашку прялъ . . —
16. Ой Авдотьюшка у батюшки 172
17. Авдотьина матушка 173
18. Не шумите, не гремите, бояре́ 175
19. Ой на дворѣ дождь, дождь 177
20. Бѣлъ заюшка, горностаюшка 178
21. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго 180

ПѢСНИ СОЛДАТСКІЯ.

1. Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ . . . 183
2. Ночи мои темныя 184
3. Какъ за рѣченькой 185
4. Какъ за рѣченькою 187
5. У отца было 189
6. Ужь вы вѣтры мои, вѣтерочки 192
7. Какъ вечоръ-то моя головушка 193
8. Гулялъ Ванюшка недѣльку, гулялъ-гулялъ Ваня двѣ 195
9. Какъ со вечера ночи-то поютъ 196
10. Шириной ты, дорожка 197
11. Стлала, стлала дѣвченочка 199
12. Не бѣла заря занималася 200
13. У насъ по улицѣ 201
14. Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ 203
15. Ужь вы молодцы уланы 206
16. Ты, Россія, ты, Россія 208
17. Полно, братцы, намъ крушиться. 211
18. Что въ чистомъ полѣ за копоть 212

Стран.
19. У маіора полковаго двѣ дочки хорòши . . 213
20. Какъ и по мосту, мосточку 214
21. Ты скажи, Марусенька 215
22. А Ванюшка, мой батюшка 216

ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

1. На Подолѣ жила вдова 221
2. Какъ у вдовушки было девять сыновъ . . 222
3. Во городѣ 224
4. Государь ты, милый батюшка 227
5. На морѣ стояли разбойнички семь годовъ . 229
7. Изъ-за ерика, изъ-за камскаго 230
8. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижня города . . 231
9. Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи 232
10. Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы . . 233
11. Ужь ты, вёснушка, наша весна! . . . 234
12. Добры мóлодцы всѣ на волюшкѣ живутъ . 235
13. Какъ подъ яблоней такой. 236
14. Ужь какъ нынѣшніе годы 238
15. Не ласточка ко мнѣ прилетѣла 239

---

1. Ахъ, велика мнѣ бѣда! 242
2. Дѣвица садочкомъ шла 243
3. Отлетаетъ сизъ голубчикъ 244
4. Ты на что, мальчикъ, родился 245
5. Былъ вечоръ я въ мушкератѣ 246

ШУТОЧНЫЯ И САТИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1. Давай-ко, хозяюшка, домикъ наживать . . 247
2. Ой чернецъ сукно снуетъ 248

Стран.

3. Ходили дѣвушки по бѣрежку 249
4. Я на улицѣ была 250
5. Гуляй, гуляй, голова! . . . . . —
6. Полюбила торгаша 251
7. Отъ чего хмѣлекъ . . . . . —
8. Молодешенька на рыночекъ ходила . . . 253
9. Я съ хозяиномъ расчелся 254
10. Изъ Москвы купецъ пріѣхалъ 256

LIBRARY OF CONGRESS
00025199169